

3

СТРОКИ
ВРЕМЕНИ

ФРГ, АВСТРИЯ, ШВЕЙЦАРИЯ, ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

МОЛОДЫЕ
ПОЭТЫ
МИРА

*Молодые
поэты
ФРГ,
Австрии,
Швейцарии,
Западного
Берлина*

**С
В** ТРОИ
РЕМЕНИ

*Издательство
ЦК ВЛКСМ.
„Молодая
гвардия“
1967*

И
С86

Составитель
И. Фрадкин
Предисловие
Л. Гинзбург

Редактор
А. Исаева

Комментарии
Г. Громова
Художник
Вс. Бродский

**Перевод
с немецкого**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В не столь давние годы к некоторым молодым писателям Запада приклеилась кличка «сердитые молодые люди». «Сердитых» раздражало все: ханжеская благопристойность отцов, косность воспитателей, тупость официальных политиков, пресыщенность сытых и горькая нужда тех, кому не удалось преуспеть в комфортабельном западном мире. На «сердитых молодых людей» обратили внимание «сердитые старые люди»: смотрели на них как на шалопаев, ошалевших от праздности и благополучия, не знающих, почему фунт лиха.

В Западной Германии «сердитый старый человек» — бундесканцлер Эрхард, не выдержав, обозвал писателей шавками. «Шавки» огрызнулись:

— Беда в том, что нами руководят люди, которые при чтении шевелят губами, — писал гамбургский критик Фриц Радац.

Стариков бесило, что молодые не просто фрондируют, а «суются в политику», подрывают официальный курс. И в самом деле, внутренний протест молодых принимает все более отчетливый политический характер. Откликаясь на важнейшие события наших дней, они печатно и устно выступают против социальной несправедливости и попрания человеческого достоинства. Им ненавистны война, мракобесие, колониализм. Под многими документами серьезного общественного значения окрепшей рукой ставят свои

подписи те, кого мы отчасти знаем по именам, но должны узнать и по книгам.

Нам еще предстоит коснуться противоречивых тенденций, которые определяют политическое лицо авторов нашего сборника, однако, так или иначе, сегодняшнее значение литературы, ее роль, небезопасную для реакционных режимов и правительств, не могут отрицать даже те высокопоставленные обыватели, что смолоду привыкли считать художественное творчество безделицей, выдумкой чудаков и блаженных идеалистов «не от мира сего».

Такое вынужденное признание обходится самим писателям отнюдь не дешево: с каждым днем усиливаются гонения на прогрессивную литературу, на ее пути воздвигаются все новые и новые препятствия, а само занятие литературой все чаще требует риска, личного мужества, а подчас и житейской изворотливости. Многие из тех, кто формально числится писателем ФРГ, фактически пребывают в эмиграции. Одни перебрались из Мюнхена или Франкфурта-на-Майне в Западный Берлин, другие — еще дальше: в Лондон, Париж, Скандинавию... Известнейший немецкий поэт Пауль Цéлан, книги которого составляют гордость западногерманских издательств, оказывается месье Полем Селаном, жителем французской столицы, гамбургский поэт Арно Рейнфранк — мистером Рейнфрэнком, нашедшим пристанище на берегах Темзы, а уроженец Кауфбойерна Ганс Магнус Энценсбергер предпочитает жить в маленькой деревушке в Норвегии или колесить по белу свету, изредка наведываясь в свою «зимнюю квартиру» на западноберлинской Фрегештрассе.

Сын мой, од не читай, читай расписания:
они точнее. Разверни морскую карту,
покуда не поздно. Будь осторожен. Молчи.
День придет — вновь они приколотят к воротам
позорные списки и на груди отрицателей
выжгут тавро... Учись быть неузнанным, сын мой,
учись быть умнее отца.
Меняй адреса и квартиры, паспорт, одежду, лицо...

Разумеется, эти слова Энценсбергера — всего лишь ирония. Но призрак возрождающегося фашизма в его крайнем

выражении, когда «на груди отрицателей выжгут тавро», следует не одного Энциенсбергера...

На творчество молодых поэтов не мог не повлиять горький опыт прошлого, когда «тотальное» подавление свободы и установление казарменно-полицейского «нового порядка» внутри Германии расчистили Гитлеру путь к «тотальной» мировой войне. Все настойчивее вторгаются в их сны и бессонницу «полиция, решетки, сторожа», тюрьма и убийство.

И только одно неизменно —
полиция.

(Вальтер Хёллерер)

В послесловии к сборнику немецкой политической лирики 1945—1965 годов (издательство «Пипер-ферлаг», Мюнхен, 1965) Хорст Бингель справедливо отмечает: «Поэзия должна вести к пониманию и познанию нашего мира, или сна перестанет существовать вовсе».

Однако «познание и понимание мира» невозможно без элементарного права свободно мыслить и свободно выражать свою мысль, так как именно с той минуты, когда накладывают кандалы на человеческую мысль, возникает полнейшая и неограниченная свобода для войны и убийства.

Духовная свобода становится для молодых насущнейшей жизненной потребностью, первейшим условием творчества. Их не устраивают официальный «энтузиазм», «незыблемость» окостеневших мозгов, «перила» из колючей проволоки.

Даже те литераторы, которые еще имеют формальную возможность высказываться более или менее открыто, охвачены глубоким пессимизмом: их удручает разрыв контактов между поэтом и обществом, создание условий, при которых самый страстный протест, самая горькая исповедь просто не воспринимаются всерьез.

«Они, — пишет о своих собратьях по перу западногерманский поэт Ганс Эгон Хольтхузен, — нападают на порочное мироустройство и сами не верят в успешность своих нападок. Они хотят изменить общество и не верят, что такое намерение осуществимо».

Многие поэты исходят из ошибочной предпосылки, что всякая государственная власть, всякий порядок вообще по

самой своей природе враждебны человеческому духу, а стало быть, и поэзии.

Но, ставя вопрос таким образом, поэты сами лишают себя почвы, идеологического плацдарма, с которого они могли бы вести наступление на ненавистный им мир. Именно этим объясняется то странное на первый взгляд противоречие, при котором одни и те же люди выступают, допустим, в защиту Вьетнама и откровенно побаиваются коммунизма, резко осуждают западногерманский реваншизм и в то же время не могут внутренне «принять» ГДР.

Едва ли кто так остро ощущает трагическую формулу Гамлета — «распалась связь времен», — как современные немецкие поэты Запада. Этот распад идет по всем линиям: рушатся фамильные традиции, переоцениваются «извечные» ценности, рвутся духовные связи. Дети беспощадно рассчитываются со своими отцами.

Мы, кто смотрели диапозитивы
с изображеньем трупов в лагерях,
стереоскопов грубые картинки,
мы выросли
неблагодарным поколеньем
по отношению к старшим.

(Арно Рейнфранк)

В нашем сборнике мы встретимся с западноберлинским поэтом Фолькером фон Тёрне. Его отец, тот самый «папаша», который «близ Ленинграда лежал в снегу, от ужаса дрожа», был эсэсовским полковником, а сам Тёрне ведет активную антифашистскую деятельность.

Через много лет после Гитлера в творчестве молодых ожили страшные видения: лагеря смерти, крематории, выжженные, мертвые города.

Я живу среди отзвуков давних рыданий...

(Кристоф Мекель)

Пауль Целан написал «Фугу смерти» — поэтический реквием узникам нацистских лагерей. Скорбные скрипки Освенцима, Бухенвальда, Дахау звучат в стихах Рольфа Гауфса, Петера Утендорфа, в пепельный цвет окрашены пейзажи

Вольфганга Бехлера, где «вечную пыль забвенья развеивают ветряки», и у того же Бехлера сказано:

Осталось все, что пережито нами,
ушло в морщины, в память, стало снами,
и по ночам тревожит и гнетет...

Старшие из «молодых» пришли в литературу из разгромленных маршевых батальонов, из отрядов фольксштурма, из колонн беженцев, из плена. Фашизм успел искалечить их молодость, отравить первые «впечатленья бытия».

В голодном, разрушенном Гамбурге создавал свои стихи и новеллы Вольфганг Борхерт — один из зачинателей западнонемецкой «литературы вернувшихся». Он умер в 1947 году в возрасте двадцати шести лет, но многое успел написать, и его книги по праву считаются важным свидетельством времени.

В 1956 году смерть от давних фронтовых ран настигла и другого молодого поэта — Вернера Ригеля, о котором с глубокой печалью и уважением вспоминают его литературные сверстники.

«Я, — писал Вернер Ригель, — принадлежу к поколению, которое было близким к земле и в своем большинстве ушло в землю... Я несу в себе все, чем было отмечено наше время: лобовые атаки и уличные бои, искореженные деревья, кровь... обгаренное пожарами небо над горящими крышами. Это время — во мне, и оно будет струиться по строкам моих стихов, как струится по ветру дым от пожаров...»

И вот в стихах Вальтера Хёлерера — символ катастрофы, апофеоз фашистской войны: на обочине шоссе труп солдата, рука которого

сжимала, точно меч,
замерзший лошадиный катыш...

Хёлереровский солдат остался лежать на обочине, а Юрген Бекельман — поэт из Западного Берлина — уже «привидит» другого убитого: того, кто погиб в будущей несправедливой войне.

У нас нет жалости к тебе...
поскольку убивать и быть убитым
одно и то же, и вина равна —

мысль глубокая и плодотворная: никто не смеет стать ни убийцей, ни пушечным мясом. Впрочем, традиционный термин — «пушечное мясо» кажется в наше время несколько устаревшим. Над человечеством нависает угроза «превращения в пыль», и эта вполне реальная угроза предполагает особую зоркость, особое чувство ответственности.

Снова и снова встает перед молодыми поэтами вопрос, сформулированный в стихах Эриха Фрида: «Скажи, далеко ли до Герники?..» Сама постановка этого вопроса говорит с многом: разбомбленный немецкими фашистами испанский город, который вскричал с картины Пабло Пикассо, был началом, станцией отправления, откуда двинулась на человечество неслыханная беда. Закончен ли этот путь или тянется дальше, в наши дни?

Чему мы все научились
у Герники и Варшавы,
у Ковентри, Сталинграда, Дрездена,
Нагасаки, Суэца?
Может,
мы все-таки поняли,
что это не так далеко
и что так далеко
заходить невозможно?..

Многие поняли. Их томит смутное предчувствие:

Что-то должно случиться,
прежде чем солнце канет...

(Альберт Арнольд Шолль).

...Почему я вспомнил ракеты
над твоими устами?

(Арно Рейнфранк)

Таковы «строки времени».

Было бы несправедливым упрекать эти строки в «упадочничестве», высокомерно не замечая живущей в них боли. Если поэзия — сейсмография времени, то не станем требовать от сейсмографов утешительных, но фальшивых показателей. При этом наивно искать в каждом стихотворе-

нии рецепт, практическое предписание, что именно следует делать в каждом конкретном случае. И все-таки, если мы внимательно прочтем стихи Энциенсбергера, Бахман, Рюмкорфа, Фрида, Шмидта и других, то обнаружим попытку найти лекарство от «слепоты», от ожирения сердца и разума, от пагубного «всевластия вещей», алчности, суетности, лицемерия, снобизма. Мы увидим, что часто под маской внешнего цинизма скрывается горячее стремление к человечности и добру, что в молодых поэтических сердцах живет не только отчаяние, но и надежда, что, научившись ненавидеть, они не разучились любить и что лучшие свои чаяния наиболее прозорливые из них, пусть робко, пусть с оговорками, связывают с крутым преобразованием общества.

Прочитав этот сборник, мы откроем для себя сложный и запутанный мир, чуждый нам и тем не менее не чужой, потому что мы не можем быть равнодушными к тому, что в нем происходит.

Многие из авторов нашей книги испытывают искреннюю симпатию к Советскому Союзу, тянутся к нашей стране, с интересом следят за нашей литературой. С некоторыми у нас установились творческие контакты, и, читая их стихи, я не могу не вспомнить о дружеских встречах с поэтами, которые, будучи «выразителями», «носителями» и «представителями», прежде всего — живые люди.

...Я вижу гамбургскую литературную братию в доме у Петера Рюмкорфа и его самого — «блудного сына Европы», угловатого, худощавого, с ироническим взглядом из-под очков. Рюмкорф читает стихи — не свои, а стихи школьников, которые он собрал со всей Западной Германии. Пятнадцати-шестнадцатилетние юноши и девушки оказались намного мудрее своих папаш и мамаш, которые, конечно же,

все были «героями Сопротивленья»
(у себя на квартире).

Но скажите,
кто же... —
кто

в таком случае
все одобрял,
все принимал на веру
и ликовал от восторга?

Рюмкорф делает паузу, насмешливо оглядывает присутствующих и заключает:

Вы!
Все вы!
Вы все виноваты!
Нет, не многие,
не единицы!
Все!

Позднее эти стихи вошли в составленную Рюмкорфом антологию «Поэзия старшеклассников, проза старшеклассников».

...В Ленинграде жарким летом 1963 года мы впервые встретились с Энценсбергером. Он был легок, светел, все привлекало его внимание: ленинградские улицы, набережные Невы, звучание русской речи. Он скупал сувениры с изображением крейсера «Аврора», подолгу смотрел на ворота Зимнего дворца, словно желая представить себе картину Октябрьского штурма, побывал в Смольном, но, когда европейские писатели — участники международного симпозиума, направились на Пискаревское кладбище, идти со всеми отказался.

Они пошли туда отдельно, небольшой группой: только немцы. Над вечным покоем кладбища плыли траурные мелодии. Энценсбергер стоял смертельно бледный, лицом к лицу с совестью.

Позднее в его дневнике появилась запись:

«В Ленинграде, в небольшом музее, я видел кусок черствого заплесневелого хлеба, величиной с палец. В зимние месяцы блокады такой кусок составлял суточный рацион для жителей осажденного немцами города. Это было меньше того, что получали узники Бухенвальда».

...С Арно Рейнфранком я шел по ночному Веймару. Улицы были пустынные, но в замке герцога горели огни, как при Гёте: принимали делегатов антифашистского форума. Рейнфранк приехал из Англии, но числился делегатом ФРГ (кажется, единственным).

Поэты любят рассуждать о «бедности» поэзии. Рейнфранк говорил о бедности поэтов. Антифашистская сатира — дело отнюдь не доходное. В Лондоне Рейнфранк живет жизнью подвижника, еле сводит концы с концами. Он мог бы преуспеть: вернуться в Западную Германию, натренированным

пером писать куплеты для эстрадных певцов, но не хочет. Не может.

— Люди живут, стараясь не думать о существовании водородной бомбы. Они считают, что война неизбежна, как смерть: можно ли все время думать о смерти? Что делать? Я стучусь во все двери. Я засыпаю стихами редакции. Иногда «проскакивает», — он усмехнулся. — Нужно, чтобы поэты помогали друг другу. Мы иногда забываем о солидарности, ты не считаешь? Переводят знаменитостей, носятся с одними и теми же именами. Я не рвусь в баловни, но хочу, чтобы мое слово дошло. И до вас тоже. Ты понял?

...Январь 1967 года, Западный Берлин. Неделю в Евангелической академии на улице Клейнер Ванзее советские поэты спорили с западными о реализме в лирике. От нас выступали Сергей Наровчатов, Римма Казакова, Юлия Друнина, Юстинас Марцинкявичюс и я, от них — Эрих Фрид, Энценсбергер, Вальтер Хёлерер, Кристоф Мекель, Фолькер фон Тёрне, Генрих Ост.

Хёлерера на этом симпозиуме некоторые ораторы называли представителем «конкретной» поэзии, но понятие это было для нас абстрактным, так же как, впрочем, и сам Хёлерер. В Западном Берлине он делает литературную погоду, выпускает журнал «Акценте», который считается одним из ведущих. Когда он появился в зале, по рядам прошел шепот: «Хёлерер!»

Он уселся, скрестив руки, посверливал нас острыми своими глазами.

В перерыве я подошел к нему, попросил стихи. Хёлерер достал из кармана лист бумаги (стихотворение «Кардинальные перемены», помещенное в этом сборнике).

Меня заинтересовало: в чем тут признаки «конкретной» поэзии?

Хёлерер рассмеялся:

— Да никакой я не «конкретный». Пишу стихи, вот и все...

Фрид прибыл из Лондона: коренастый, приземистый. Выступал долго, мотал кудлатой головой, сжимал кулаки. Отстаивая «авангардизм», «левизну» формы, подкреплял себя цитатами из всех — от Маркса до «эксперименталиста» Хайсенбюттеля.

Его эрудиция была восхитительна, хотя аргументы казались нам иногда путанными, шаткими. Но когда на одном из публич-

ных вечеров в молодежном клубе «Са ира» Фрид под гром аплодисментов читал стихи о Вьетнаме, мы от души радовались его успеху...

Нам полюбилис Кристоф Мекель, поэт и талантливый график. Его альбом «Башня» напоминает шаржи Георга Гросса, гойевские «капричос» и пронзительную символику Марка Шагала.

Взаимопроникновение искусств — извечный процесс. В свое время литература достаточно повлияла на живопись. Теперь, кажется, происходит нечто обратное. Современную западную поэзию невозможно понять без Пикассо, Леже, Сикейроса, немецкая лирика духовно связана с Гроссом, Оскаром Кокошкой, Мазерелем, Кете Кольвиц.

Так, в гротесковых стихах Кристофа Мекеля мы обнаружим почерк его учителей-рисовальщиков, стихи Ингеборг Бахман чем-то напоминают некоторые полотна новейших художников, где общая картина складывается из далеко отстоящих друг от друга ассоциаций.

Вообще средства поэтической выразительности, с которыми встретится читатель этой книги, крайне разнообразны: от нарочитого «примитива» агитационных «прописных истин» Арно Рейнфранка до изощренной поэтики Ингеборг Бахман, где слова, живущие как бы самостоятельной жизнью, соприкасаясь друг с другом, создают редкостное по силе и гармоничности смысловое единство; от сумбурных, взъерошенных (в стиле барокко) стихов Рюмкорфа до строгой, почти математической логики Энценсбергера; от «моментальных» зарисовок с натуры Вальтера Хёлера до многоголосия целановской «Фуги», построенной по законам контрапункта.

Но при всем различии почерков и стилей есть один признак, который является определяющим для всех собранных в нашей книге поэтов. Этот признак — изобилие, гипертрофия мысли, мощный поток которой ломает привычные ритмические рамки и сам себе выбирает наиболее удобное русло, именуемое «формой». Вот почему в конечном счете безразлично, написаны ли стихи в традиционных размерах или так называемым верлибром, снабжены ли они рифмой или обходятся без нее. Мысль, так же как и эмоция или мелодия, становится самостоятельной поэтической субстанцией.

Но это не просто рационализм. Фашизм с его беззащитной эксплуатацией высоких чувств и понятий осквернил все,

что когда-то было предметом поэзии: любовь, красоту, задушевность. Иные поэты инстинктивно боятся эмоций, подвергают чувство строгому умственному контролю, забывая, что их подстерегает другая опасность — «эмоциональная недостаточность».

На немецком языке стихотворчество принято называть «лирикой». Однако собственно «лирику» (в общепринятом понимании слова) западногерманские поэты почти не пишут. Непрестанный внутренний спор, желание разобраться в противоречиях времени составляют главное содержание их поэзии, вплоть до самых интимных ее сфер. Лирика в их стихах подчас неотделима от горькой иронии, от трагического сарказма.

...В нашем сборнике представлены поэты ФРГ, Австрии, Швейцарии и Западного Берлина — граждане разных государств, говорящие и пишущие на одном языке — немецком. Но сближает их не только языковая общность. Все они так или иначе являются «детьми Запада», выросшими в современном капиталистическом обществе с его специфическими нравственными и политическими проблемами.

В известном отношении авторы нашей книги ближе к поэтам Франции, Италии, Соединенных Штатов Америки, Англии, чем к пишущим на том же немецком языке поэтам Германской Демократической Республики.

«Жителю Франкфурта-на-Майне, — заметил как-то Ганс Магнус Энценсбергер, — Нью-Йорк кажется рядом, в то время как поездка во Франкфурт-на-Одере стала для него в психологическом, политическом и географическом смысле экспедицией».

В Германской Демократической Республике «строки времени» пишутся по-иному, да и время во Франкфурте-на-Одере совсем не то, что во Франкфурте-на-Майне.

Поэзию ГДР в нашей стране знают и любят. Не так давно в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник «Седьмое солнце» — стихи молодых поэтов ГДР.

Сейчас нам предстоит первое знакомство с их сверстниками, живущими по другую сторону идеологического рубежа. Будем надеяться, что знакомство это окажется плодотворным.

Лев Гинзбург

Пауль Ц *елан*

ПАМЯТИ ПОЛЯ ЭЛЮАРА

Положи на могилу поэта слова,
те, что созданы им ради жизни.
Положи их ему в изголовье,
пусть он почувствует снова
тиски страсти,
ее тоску.

Положи на глаза поэта слова,
он их больше не скажет
тому, кто был с ним на «ты»,
слова,
рожденные кровью аорты,
в час, когда тех, кто был с ним на «ты»,
голые руки
пригвоздили к деревьям грядущего.

Положи на глаза поэта слова,
и, быть может,
в них, еще синих,
иная блеснет синева,
и тот, кто был с ним на «ты»,
тихо вымолвит: мы...

ШИБОЛЕТ

Они мне взвалили на плечи
камни, что стали в тюрьме
крупнее слезы.

Они меня привели
на торговую площадь
под знамя, которому я
присягнуть не хочу.

Флейта,
двойная флейта ночей,
вспомни о темной
братской заре —
заре Мадрида и Вены.

Быше свой флаг подними,
память.
Выше свой флаг —
отныне и вечно.

Сердце,
ничего не таи.
Здесь, на рыночной площади,
здесь, на чужой тебе родине,
тайное слово скажи:
Февраль * — No pasarán!

Единорог,
тебе ведомы камни,

---

* Поэт имеет в виду героическое восстание рабочих Вены в феврале 1934 года. — Прим. перев.

ведомы воды,
пойдем,
я тебя поведу
к голосам
Эстремадуры.

* *
*

Очи,
в дождевом я вас помню сияньи,
когда бог мне испить приказал.

Очи,
золотые монеты ночные,
я вас подобрал, срывая крапиву
и бродя под ветвями древних пословиц.

Очи,
вечер, мне засиявший, когда распахнул я ворота,
и увенчанный снегом моих древних висков,
проскакал по владениям вечности.

* *
*

Я здесь один. Я ставлю цинерарию
В стакан, до края полный спелой чернотой,
Мне что-то говорят цветка родные губы,
Мечта, как бабочка, садится на рукав.

Вечер доцвел, но я стою в его цветенье.
Я приберег смолы для поздней птицы.
Она на крыльях алых мчит ко мне снежинку.
С крупницей льда летит она сквозь лето.

ФУГА СМЕРТИ

Черная жижа рассвета мы пьем ее вечером
пьем ее в полдень и утром пьем ее ночью
пьем ее пьем ее пьем
мы роем могилу в воздухе там лежать попросторней
в доме живет человек играет со змеями пишет
когда над его Германией опускаются сумерки
он пишет о золоте кос твоих Маргарита
потом выходит из дома в ночь где сверкают звезды
скликает своих собак сзывает своих евреев
копайте копайте могилу копайте могилу в земле
а вы музыканты играйте танец чтоб было весело
беритесь-ка за смычки

Черная жижа рассвета мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя утром и в полдень пьем тебя вечером
пьем тебя пьем тебя пьем
в доме живет человек играет со змеями пишет
когда над его Германией опускаются сумерки
он пишет о золоте кос твоих Маргарита
о пепле волос твоих Суламифь
а мы мы роем могилу роем могилу в воздухе
там будет лежать попросторней
он говорит копайте глубже вгрызайтесь в землю

эти пусть роют а эти
играют пусть и поют
он машет рукой в которой зажата железная штука
какой он голубоглазый
как весело он кричит
копайте копайте глубже
эти пусть роют а эти
играют пусть и поют

Черная жижа рассвета мы пьем тебя ночью и в полдень
пьем тебя утром и вечером
пьем тебя пьем тебя пьем
в доме живет человек
когда над его Германией опускаются сумерки
он пишет играет со змеями
пишет о золоте кос твоих Маргарита
о пепле волос твоих Суламифь
кричит музыкантам играйте
играйте вы скверно играете
больше души больше чувства
вы обижаете смерть
смерть немецкая музыка смерть великий маэстро
и скрипки играют чуть тише
играют чуть приглушеннее
сейчас вы станете дымом сейчас вы подниметесь в воздух
в тучах вам будет могила там будет лежать попросторней
не так будет тесно
не так

Черная жижа рассвета мы пьем тебя ночью
мы пьем тебя в полдень
смерть великий маэстро с голубыми глазами
смерть немецкая музыка
мы пьем тебя утром и вечером

пьем тебя пьем тебя пьем
великий маэстро смерть стреляет без промаха метит
в сердце свинцовою пулей
в доме живет человек
он играет со змеями пишет
сейчас он спустит собак
в ночь где сверкают звезды
сейчас мы получим подарок
получим могилу в воздухе
смерть немецкий маэстро
золото кос Маргариты
пепел волос Суламифь

Эрик **Ф** *рид*

МЕРОПРИЯТИЯ

Лентяи будут убиты,
мир станет прилежным.

Уроды будут убиты,
мир станет красивым.

Глупцы будут убиты,
мир станет мудрым.

Больные будут убиты,
мир станет здоровым.

Грустные будут убиты,
мир станет веселым.

Старые будут убиты,
мир станет юным.

Враги будут убиты,
мир станет дружным.

Злодеи будут убиты,
мир станет добрым.

СОРОК ДВА ШКОЛЬНИКА

Скажи,
далеко ли
от Герники до Ман Кванга,
от Вашингтона до Берхтесгадена,
от Мюнхена до Праги,
от Берлина до Польши?..
От Герники до Мюнхена
путь был короче двух лет:
год и пять месяцев —
не очень-то много.
И очень немного
От Герники до Варшавы,
от Гитлера до...
до кого —
до чего?
Путь из Сайгона в Ханой
примерно равен пути
от Берлина до Киева
и от Мюнстера —
к югу —
до Герники.
Я искал этот город на карте
потому, что хотел
представить себе Ман Кванг.
Чему научились дети Ман Кванга
у Герники?
Чему научились мы у детей,
живущих в Ман Кванге?
Чему мы все научились
у Герники и Варшавы,
у Ковентри, Сталинграда, Дрездена,
Нагасаки, Суэца?

Может,
мы все-таки поняли,
что это не так далеко
и что так далеко
заходить невозможно...

В Ман Кванге
родители
взяли гробы с детьми
и понесли их
к американским солдатам.

Солдаты прогнали родителей
убитых ими детей,
и они вернулись в Ман Кванг
вместе с гробами.

* *
*

Один нас лишает мысли:
достаточно только,
читая его сочиненья,
кивать иногда головой.

Другой нас лишает чувства:
его стихи
удостоены множества премий,
их повсеместно цитируют
по каждому поводу.

Третий лишает нас права
самим отвечать на вопрос:

война или мир?
Каждые выборы, снова и снова,
его выбирают в парламент.

Достаточно, как заклинанье,
повторять
десять-двенадцать (не больше!)
одних и тех же имен —
и мы лишим себя жизни.

УБИВАТЬ

Сначала время
потом муху
возможно мышь
потом как можно больше людей
потом опять время

ИСКОРЕНЕНИЕ

Виновность деревьев доказана:
своей листвой
они способствуют укрытию
врагов страны.

Приговор приведен в исполнение
всем народом:
впереди дети
с учителями.

Сначала с деревьев
сорвали листву

и после их повесили на собственных ветвях,
и они раскачивались на ветру.

Дети напевали
о лесном уединении
и вкладывали в учебники листья
как назидательный пример.

НАВОДНЕНИЕ

В дверях моего дома
я столкнулся с морской звездой.
Она меня не впускала:
«Простите, здесь же море!»

И действительно: мой хлеб
на вкус был слишком соленым,
и в стакане сменяли друг друга
прилив и отлив.

Наконец я нашел почту
в моей винной бутылке,
а в постели — моллюска,
запутавшегося в водорослях.

И тогда я выпустил буй
через камин
и вывесил желтый чумной флаг
из моего окна.

Два дня налетали чайки —
дерзкие ныряльщики

над затонувшим
судном.

И на третий день — никакой помощи,
Моя звезда потеряла терпение:
«Имейте же совесть!»
Ну что ж. Я утонул.

Вольфганг **Б** *орхерт*

ПОПРОБУЙ

Встань под дождь. Покинув дом,
сверь себя с ночным дождем.
Сам себя как дождь пролей
и попробуй быть добрей.

Встань под ветер поутру.
Стань ребенком на ветру.
Ветру грудь раскрыть сумей
и попробуй быть добрей.

Встань в огонь и победи
страх пред ним, и полюби
жар, и сердце им согрей,
и попробуй быть добрей.

В ГАМБУРГЕ

Ночь в Гамбурге, она —
не та, что в прочих странах,
не синяя сестра.
Ночь в Гамбурге сера
и тянется в дожде, в туманах
без сна.

Ночь в Гамбурге живет
во тьме таверн портовых
и плеском легких юбок
своих зовет
туда, где на скамьях дубовых
поют и любят.

Ночь в Гамбурге — над ней
не зарыдает соловей
из чащи сада.
Здесь от тоски —
лишь дальних кораблей гудки
отрада.

Вальтер Х ёлерер

ОН НА ОБОЧИНЕ ШОССЕ ЛЕЖАЛ...

Он на обочине шоссе лежал,
И были смежены его ресницы
И падали на тени под глазами.
Со стороны казалось: он заснул.

Но вот его спина (а мы перенесли
Его, тяжелого, немного в сторону, поскольку
Он на шоссе мешал движению колонн),
Так вот его спина была кровавой тряпкой.

А вот его рука (мы эту шутку
Не часто вспоминали и забыли),
Так вот его рука сжимала, точно меч,
Замерзший лошадиный катыш.

Замерзший желтый лошадиный катыш
Сжимала, точно землю или руку,
А может, крест господен... — я не знаю.
Мы отнесли его и кинули в сугроб.

О, СОДРОГНИСЬ,
ВЗГЛЯНУВ НА КРАСНЫЙ МАК...

То, что имел и не имел,
То, что искал и не нашел,
Пришло неожиданно между дел...

Когда? Откуда? Где оно?
Куда ушло? И с ним слова,
Что сказаны давным-давно.

И в то же время отродясь
Ты будто не слышал тех слов...
Об этом знала жрица в час,

Когда туман ее накрыл?
Знал тот, кто принял смерть в цепях?
Знал перед битвою Ахилл?

И ты, когда в траве лежал,
А рядом каждый сноп кричал,
Ты это крепко удержал?

Ты верен этому сейчас
При женщинах? Или забыл,
Как это в бездне мертвых глаз

Цвело в последний день войны,
И вот своей победе рад?
И в ней не чувствуешь вины?

И не менялся никогда,
И дальше шел, и был таким,
Каким был прежде и всегда.

Тупой и равнодушный зверь?
И дальше шел... О, содрогнись,
Взглянув на красный мак... Поверь,

Что это у тебя в руках,
Твое — да ты и сам такой,
И ты бредешь не как чужак —

Но как ты редко был собой.

КАРДИНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Постепенно
меняется все.
Перемены
происходят в стране.
Изнутри,
вовне.
Этот уполз,
тот выполз.
Взлетел.
Выпал.
Тот — на свет.
Этот — в тень...
Что ни день,
все течет, все меняется:
одно отменяется,
другое вменяется.
Любой прочтите газетный очерк:
ломают слог,
изменяют почерк.
И это все — в интересах нации!

На сцене меняются декорации.
Того дипломата — в отставку,
под лавку,
а этому, видно,
назначат прибавку.
Разброду на смену
идет коалиция.

И только одно неизменно:
п о л и ц и я!

Петер **Л** енер

СТРОКИ ВРЕМЕНИ

Как могло получиться,
что после всего
люди шли на работу,
спали, ели
и все забывали!
Впрочем, кроме тех,
кто уже ничего не хотел,
кто пал на фронтах
или был завален
рухнувшим домом.
Где нашлись силы,
чтобы после всего
разгрести руины,
строить новые здания
и выращивать из мельчайшего
гигантские дымовые грибы грядущего!

С ТЕХ ПОР КАК МЫ У БОГОВ...

С тех пор как мы у богов
украли огонь,
пламя нас ослепило,

одурманил дым,
охватила жгучая жажда пожаров,—
нас, рабов остывшей земли,
гонимых ее стремленьем
снова стать солнцем.

Вольфганг **Б** *ехлер*

ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ
(Северная Голландия)

Зелень до края взгляда,
неба белый покров,
ключьями ночи — стадо
черно-белых коров.

Стаи ворон и чаек
пересеклись на лету.
Западный ветер качает
парусники в порту.

К могилам Сопротивленья
гонит он дюн пески.
И вечную пыль забвенья
развеивают ветряки.

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПАРИЖ

Я увидел в тебе протяженья коралловых рифов,
груды шифера, горы известки,
камни, сваленные как попало
на дне высохшего моря,

площади в серых ракушках,
заселенные птичьим базаром,
и летающих рыб среди улиц,
кое-где лес из водорослей и губок,
бригантины церквей, словно севших на мели,
колоколен плавучие буи,
пришвартованные к мощным сваям,
монументы и триумфальные арки,
черные пальцы обелисков.
Тень их показывала время.
Вечером море назад отступало,
черные волны нахлестывал западный ветер.
Я бесстрашно шагал по воде
за тобой по светлому следу.

ЕЩЕ ЗЕМЛЯ ДРОЖИТ...

Еще земля дрожит под сапогами;
цветет трава, не знавшая невзгод.
Осталось все, что пережито нами,
ушло в морщины, в память, стало снами
и по ночам тревожит и гнетет.

Ушла в песок та кровь, что мы пролили,
но боль свежа и шрамы горячи.
Просохли слезы, что за нас молили,
дневные суесловья смерть укрыли,
сиделку бреда нашего в ночи.

И долго не зажить руинам старым.
К пыльце цветов ночь добавляет чад
и пепел тех, задушенных пожаром.

А самозванцы бродят по базарам
и вновь о невинности кричат.

Как в детстве, солнце освещает росы.
Но тени в сердце залегли на дно
и погасили детские вопросы.
И, где крестами попораны откосы,
на лозах зреет новое вино.

КОЕ-ЧТО НАДО ИСПРАВИТЬ

Что-то должно случиться
прежде, чем солнце канет:
жаждущих мучит жажда,
голодных — голод,
плачущие безутешны.
Годовалый ягненок
еще не попал на бойню,
и косяки ее двери
еще не обмазаны
кровью.

Кое-что надо исправить,
пока не закрылись конторы.
В сейфах лежат бумаги.
Еще нужно продать участок,
пересчитать дивиденды,
запись внести в кадастр.
Бедные ждут у двери.
Вексель на верность и веру опротестован.
И на уплату налогов не будет отсрочки.

Но что-то должно случиться
прежде, чем солнце канет
и закроют ворота.
Уже потянулись тени.

Ингеборг **Б** *ажман*

ОСЕННИЕ МАНЕВРЫ

Говорят, это было вчера. В последний месяц
Моих школьных каникул. На грубой соломе насмешек
Просыпаюсь и вижу маневры эпохи моей.
Говорят, что вчера. Мы не птицы, и нам не поможет,
Если мы улетим на юг. Пусть движутся мимо
По закатному морю катера и гондолы. И пусть
Мне глаза беззащитные ранит античный обломок,
Уцелевший осколок какого-то древнего сна.

Читаю в газетах о холоде,
О болезнях от холода. Об убийцах и об убитых.
Об изгнанниках родины. О дрейфующих льдинах
Ледовитого моря, но мало мне радости в этом.
И к чему она, радость? Когда постучится нищий,
Я его прогоню: ведь у нас теперь мирное время,
И мы можем позволить себе не смотреть на подобные сцены.
Но нельзя не смотреть на гибель листвы под осенним дождем.

Уедем отсюда! В апельсиновой роще,
Или в синей тени кипариса, или под пальмой
Мы с тобой еще раз увидим прекрасный закат.
По дешевой цене. Наконец-то забудем мы оба,
Что лежат без ответа письма вчерашнего дня.

Наше время творит чудеса (как известно), но если
Постучится судья в нашу дверь, мы ему не откроем.
Я в карцере сердца проснулась на грубой соломе,
И снова я вижу маневры эпохи моей.

ОТСРОЧЕННОЕ ВРЕМЯ

Наступят дни пожесточе.
До времени отмененное время
заалело на горизонте.
Скоро тебе придется
завязать шнурки на ботинках
и собак отогнать к берегу моря,
потому что рыбы потроха
застыли на ветру.
Бледным огнем загорелись лупины.
Ты рассек туман своим взглядом:
до времени отмененное время
заалело на горизонте.

А в пучине песка на той стороне —
твоя любимая.
Ей волосы запорошил песок,
перебивает ее,
велит замолчать.
Она же приемлет смерть
и готова проститься с жизнью
после каждого объятия.
Не оборачивайся.
Зашнуруй башмаки.
Отгони собак.

Выбрось в море рыб.
Загаси лупины.
Наступят дни пожесточе.

ПОЛДЕНЬ

Зеленеет неслышно липа в распахнутом лете,
от городов в стороне, в светлом небе —
матово-бледный месяц. Вот и полдень,
уже шевельнулся в колодце луч,
и вздымается из-под обломков
попранное крыло сказочной птицы,
а рука, искаженная резким броском,
опустилась погладить всходы.

Там, где небо Германии бросает на землю тень,
обезглавленный ангел ищет могилу для зла
и подносит тебе чашу сердца.

Горстка боли рассеялась над холмом.

А семь лет минует,
память все вернет,
Ах, не гляди в колодец,
в колодец у ворот —
глаза переполнятся влагой.

А семь лет минует,
и за той чертой
палачи подымут
кубок золотой.
И ты опустишь глаза.

Вот и полдень, в остывшем пепле,
Извиваясь, алеет железо, на терновнике
взвилось знамя, а к скале извечной мечты
отныне прикован орел.

И надежда, согбенная, слепнет от света.

Разбей ее цепи,
сведи ее вниз по откосу,
закрой ей ладонью глаза,
чтобы тень ее не опалила!

Там, где земля Германии бросает на небо тень,
облако в поисках слова наполняет молчанием кратер.
Лето его расслышит в редком дожде.

То, что не высказать, — сказано и бредет по стране:
вот и полдень.

ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ

Войны не объявляются нынче:
их продолжают вести. Немыслимое
вошло в обиход. Но герой
отсиживается в тылу. Трусливый
уходит на фронт воевать.
Повседневной формой стало терпение,
наградю — выцветшая звезда
надежды, болтающаяся над сердцем.

Ее выдают,
когда ничего не случается,

когда умолкает барабанный бой,
когда и врага-то не видно
и только тучи перевооружения
застилают небо.

Ее выдают:
за дезертирство,
за храбрость перед друзьями,
за выдачу мерзких тайн,
за презрение
к любому приказу.

НОЧНОЙ ПОЛЕТ

О, черная пахота неба,
Взрыхленная волей моторов,
В железном поту, в гуле ночи,
Тяжелым лемехом снов.

Эти сны нам приснились на кладбищах и на кострах,
Под кровлею мира, чьи стены
Разрушены ветром, и вот зарядили дожди,
Дожди и дожди, и в призрачных мельничных крыльях
Незрячие мечутся мыши.
Кто жил в этом доме? Чьи руки невинные резали хлеб?
Кто сиял в этой темной ночи?
Чья тень говорила с тенями?

В стальном оперенье укрыты, зовут инструменты
Эту ночь на допрос. Хронометры и альтиметры
Исследуют облачный лес. Как память любви,
Мы слышим нашего сердца зыбытые речи:

Точка — точка — тире.. Целый час
Крупный град барабанит нам в уши. Но слух наш,
Безучастный, все слышит и все забывает.
Еще не погибло солнце, еще уцелела земля,

Но стали иными, как новые звезды.
Мы выплыли в мир из воздушного порта.
Здесь, в океане воздушном, никто не считает пропавших,
Здесь груз не хранят. Улова не ждут.
Ароматы индийских земель и шелка из Ниппона
Все равно достаются купцам,
Как рыбы — сетям.

Зачем же мы видим пламя
Падучей звезды в темном небе?
Зачем воздушные нити
Разорваны паденьем комет?
Нам дан закон одиноких,
Нам дозволено здесь ждать чуда,
Это все.

Мы выплыли в мир, и сегодня пусты монастырские кельи.
Мы — орден подвижников новых; не ждите от нас исцеленья.

Думать — не дело пилота. Летчики видят на карте
Линии трасс и знаки аэродромов,
Географию мира, где все известно раз навсегда.

Кто живет на земле? Кто там плачет?
Кто от дома ключ потерял?
Кто своей не нашел постели
И на улице спит? Кто осмелится утром
Разгадать оставшийся в небе серебряный след?

Когда снова вода закружит лопасти мельниц?
У кого хватит мужества вспомнить тогда эту ночь?

В ГРОЗЕ РОЗ

Куда бы мы ни ринулись в грозе роз,
ночь то и дело озаряют шипы, и гром
листвы — он так тих был в кустах —
преследует нас неотступно.

ИГРА ОКОНЧЕНА

Мой милый брат, вот мы построим плот,
Чтоб плавать звездным руслом.
Но, милый брат мой, плот ко дну пойдет
Под тяжким грузом.

Вот мы с тобой начертим на листах
Пути и страны, милый.
Но ты погибнешь — видишь, в тех местах
Зарыты мины.

О, пусть к столбу прикрученной мне
Кричать и рваться, брат мой,
Но ты из царства мертвых на коне
Примчи обратно.

Примчишь, и мы отправимся вдвоем
В пески или к цыганам,
И сколько мир стоит и сколько мы живем,
Не знать тогда нам.

Смотри, враньем ворон и пауков
Не увлекись дорогой.
Да и в стране кисельных берегов
Питья не трогай.

А может, и на фею набредем
У моста золотого.
Но растеклось в саду со снегом и дождем
Загаданное слово.

Мы все ступни о камни истолчем
И сыщем камень — средство
Призвать из детства короля с ключом
От королевства.

Споем, как финик выбросил росток,
Как саван шил Наперсток
И как у падших пара крыл растет
Из рук простертых.

Мой милый брат, пора кончать игру,
Так поздно, на цыпочках, тише.
Мать с отцом говорят — призраки там, в углу,
Когда мы вместе дышим.

К СОЛНЦУ

Прекраснее, чем сиятельная луна и ее возвышенный свет,
Прекраснее звезд, высоких орденов ночи,
Намного прекраснее огненного явления кометы

И в прекрасном призвании своем несравнимо ни с одним
из светил —
Ибо жизнь, твоя и моя, каждодневно зависит от его света —
солнце.

Прекрасное солнце—оно восходит, не позабыв про труд свой
Незавершенный, — всего прекраснее летом, когда день
Струится над побережьем и неяркие отражения парусов
Проплывают в глазах твоих, пока ты не смежишь ресницы,
Срезая последний парус.
Скроется солнце, и искусство наденет вновь власяницу.
Не являешься ты мне — и море и этот песок,
Исхлестанные тенями, ищут убежища в моих опущенных веках.

Прекраснейший свет, охраняющий наше живое тепло,
совершающий чудо:
Утром я вновь прозреваю и снова вижу тебя!

Нет ничего прекрасней под солнцем, чем быть здесь под
солнцем...

Ничего нет прекрасней, чем увидеть ветку в воде и птицу
на небе,

В раздумье застывшую на лету, а внизу стаю рыб,
Отливающих всеми цветами, приплывших сюда посланцами
света,

Ничего нет прекрасней, чем, оглянувшись, увидеть
Квадрат какого-то дальнего поля и страны моей
тысчеугольник,

И наряд твой сегодняшней, сверкающий синевою!
Синевою, в которой разгуливают павлины, отвешивая поклоны,
Синевою тех сфер, где ясны, безоблачны дали,
Синевою счастливейшего слияния на горизонте! И глаза мои

Расширяются от изумленья и боли перед сверканьем и светом.
Любая пылинка славит тебя, прекрасное солнце,
в своем разноцветном горении.
Вот почему не из-за света луны или звезд,
Не из-за огненно-ярких комет, которыми хвастает ночь,
стараясь меня одурачить,
А из-за тебя, прекрасное солнце, я буду вовеки веков
воссылать мою жалобу
Об утрате — ни с одной из утрат несравнимой —
неотвратимо грядущей утрате глаз.

* * *

Корабль загружен летом до отказа,
над нами парус солнца распростерт.
Крик чайки перечеркивает порт.
Корабль загружен летом до отказа.

Над нами парус солнца распростерт.
Летающая фигура под бугшпритом
оскалилась злорадством неприкрытым.
Над нами парус солнца распростерт.

Крик чайки перечеркивает порт,
и с запада команда — погрузиться;
и лишь глазам дано за луч схватиться.
Крик чайки перечеркивает порт.

Вернер **Р** *игель*

ГИМН НОВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Если он и придет, то не с неба, а из преисподней,
хоть и на господа бога обликом будет похож.
Что-то с ним явно не то: беда началась не сегодня,
а еще когда Каин поднял на Авеля нож.
Как же он все-таки смог овладеть пулеметом отважно?
Как овладел он виселицей, флаги меняя шутя?
И отец усмехается: сыночек-то вышел неважный.
Неважный, но все же — единственный. Кровное все же дитя.

Издыхает старуха свобода, кончаются совесть и вера.
Отныне им не поможет спасительный самообман.
В городах, освещенных огнями, рождается Новая Эра,
которую зачинали Аттила и Чингисхан.
Парализованный мир громыхает под небом незрячим.
Рыпаться бесполезно. Шагай в черноту веселей!..
О, человек! Мы были сердцем твоим и плачем,
криком кукушки, ночами в тиши кукурузных полей.

Виланд

мид

НА ПЛЕЧАХ

На плечах я отца своего выношу.
Он висит у меня за спиной.
Я боюсь появления репортеров.
Чего хотят от нас эти люди?

Разве кажется странным, что я
уношу своего отца
по расстрелянным нивам Кореи
прочь из опасной зоны,
дальше в тылы войны,
потому что он голоден и бессилен
и ноги его онемели от долгих скитаний
по разным фронтам, из ночи в ночь?

Я чувствую тело отца
на плечах.
Точно так же Эней неподвижного старца Анхиза
выносил из разрушенной Трои.
Точно так же меня пронесут сыновья
сквозь разрывы шрапнели в новой войне,
сквозь шипенье и треск огнеметов,
мимо вспышек фотокорреспондентов.

ЗАЩИТА ВОЛКОВ ОТ ОВЕЦ

Что — прикажете коршуну жрать незабудки?
Шакалу сделаться кроликом?
Или, по-вашему, волк
сам себе добровольно
выдернуть должен клыки?!
Чем вам не нравятся «правые»?
Чем вам не нравятся «левые»?
Отчего с таким изумлением
вы, как кретины,
установились в телевизионный экран?
Ах, вы узрели неправду
в очередной передаче!

Но кто же тогда нашивает
на генеральские брюки
кровавые ленты лампасов?
Кто преподносит барышнику
жертвенного каплуна?
Кто, заходясь от гордости,
украшает свое урчащее брюхо,
уютно урчащий пупок
крестом с дубовыми листьями?

Кто берет чаевые —
извечные тридцать сребреников
(по курсу западной марки)
за сокрытые злодейства?!
В нынешнем мире
воров меньше, чем обворованных.
Кто рукоплещет взломщикам?
Кто возводит убийц в почетные граждане?
Кто иступленно жаждет,
чтобы его околпачили
и обобрали как следует?

Вот вам зеркало: гляньте,
узнайте самих себя,
робких,
страшащихся грубой суровости правды,
неумолимости знания,
передоверивших право на бессмертную мысль
стае волков!

Вденьте в ноздрю кольцо —
вот для вас лучшее украшеньё!
Нет такой глупости,
которую вы бы не слопали,
самый дешевый обман
способен вас тут же утешить,
самое мерзкое рабство
примете вы за свободу.

Жабоподобные овцы,
как вы друг с другом грызетесь,
как вы друг друга морочите!

Братство царит среди волков,
в крепко сплоченных стаях.
Слава разбойникам!
Вы же,
когда вас хотят изнасиловать,
лениво ложитесь
на постель послушания.
Скуля,
вы по-прежнему лжете:
вам нравится быть растерзанными.

Нет, вы не измените мир.

ПОСЛЕДНЕЕ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ

Уберите флаг с моего лица:
очень щекотно.
Заверните в него дохлую кошку,
захороните ее
там, где находился мой хроматический сад.
Снимите с моей груди жестяной венок:
он ужасно царапается.
Вышвырните его на свалку, к поломанным статуям,
а ленты раздайте шлюхам для украшения шляпок.
Прочтите надгробное слово по телефону,
оборвав предварительно провод,
и не забудьте высыпать в пруд хлебные крошки
из моего носового платка —
для безмозглых рыбешек.
Священнику передайте: пусть сидит дома
и как следует выпьет.
Купите ему бутылку хорошего шнапса:

старик будет рад промочить пересохшее горло
после томительной проповеди.

И — пожалуйста! — никаких цилиндров
и никаких памятников!

Базальт вполне пригодится для того,
чтобы вымостить улицу,

на которой никто не живет —
только птицы!

В моем чемодане вы обнаружите
целую кучу рукописей:

отдайте их моему маленькому племяннику,
пусть себе смастерит
сколько угодно корабликов —
огромный бумажный флот,
украшение уличной лужи.

Все остальное: подштанники,
зажигалку, кольцо с драгоценным опалом,
будильник —

прошу подарить старьевщику Калиштану
и в придачу — немного денег на водку.

Что касается допроса на страшном суде,
воскрешенья из мертвых
и прочих загробных занятий —
об этом я сам позабочусь.

Это мое сугубо личное дело. Не так ли?..

Ну, в общем прощайте...

Да, совершенно забыл:

в ночном столике есть еще три сигареты.

ТРАМВАЙНОМУ ПАССАЖИРУ

К чему? На кой ты мне сдался,
человек с водянистыми глазками,
с башкой из соломы,
с портфелем, набитым рокфором?
Ты мне безразличен,
ты пахнешь — увы! — слишком дурно,
ты слишком обычен.

Людей, подобных тебе,
встречаешь на каждом шагу:
на лестницах, в лифтах, в кино,
в окошке какой-нибудь кассы —
из тысяч зеркал на меня
смотрит твое лицо,
умытое щелочным мылом.

За что мне тебя любить
и за что ненавидеть,
скупщик ореховой мебели,
поклонник Софи Лорен?

Вот ты идешь домой,
благоухая потом, альпийскими фиалками
и сыростью детских пеленок...

Что ты знаешь о том,
как пахнет земля, как лосось
ластится к скалам Лапландии?
Что для тебя означает
сладкая пыль веков и мой старый Лукреций
с пометками, сделанными рукою Дидро,
и вечер первой любви,
проведенный в ялике,
в зарослях камыша?..

Нет, совершенно напрасно
мир для тебя приготовил
дикость джунглей и утонченность поэзии.
Все усилия тщетны,
напрасны кротость и гнев —
опыт всего человечества.

И все же
я не могу оторвать от тебя глаз,
когда вижу на лестнице,
в лифте, в витрине,
в окошке какой-нибудь кассы
твое лицо,
еще розовое...

Но скоро появятся
мешки под глазами,
сеть склеротических жилок,
обызвествление мозга —
следствие никотина.

Сморщится печень
от злоупотребления шнапсом
и от сознания того,
что партия все же проиграна...

И я вижу рубцы,
которые сам ты не видишь,
вижу опасную сыпь,
пятна спермы и крови.

И когда в трамвае
сидишь ты напротив меня,
я вдруг отчетливо вижу
в твоих водянистых глазах
жажду убийства...

Как мне с тобой поступить?
Ты гнездишься
в строках моих стихов,
ты привязался ко мне наяву и во сне,
разя капустой, купюрами, трусостью,
помоями, затхлым супружеством
и сладострастной готовностью
к повиновенью...

Но мне, кто все это видит
(и поскольку я все это вижу), —
как мне тебя оттолкнуть,
отогнать от моего стола?
Разве я не обязан
разделить пищу и кров с тем,
кто висит надо мной

на полке в спальном вагоне,
кто влез в мою ночь и в мой день,
в будни мои и в мой праздник?

Я слишком многое знаю:
скоро ты будешь убит
человеком, таким же, как ты.
Но прежде, чем смерть
засосет тебя в свою тину,
сам ты,
карабкаясь вверх,
слепо убьешь человека,
такого же точно, как ты, трамвайного пассажира
или меня,
который тебя ненавидит
и знает все о тебе,

всю твою подноготную,
видит следы преступленья на твоих руках
и в твоём лице читает убийство...

Так вот я думаю о тебе перед сном
в гостинице
или сидя в кино,
и я вижу,
как ты сначала
застегиваешь новенькую портупею,
молодцеватым жестом,
выбросив правую руку,
лихо приветствуешь: «Хайль!»,
а после, немного позднее,
берешь автомат и прикладом
взламываешь дверь моей комнаты...

Вот отчего,
тебя ненавижу
и зная, что ты едва ли
переживешь меня хотя бы на сутки,
я непрерывно думаю
о тебе, мой воняющий брат.

УЗНИК

В теле моем, как в тюрьме,
Спит человек с львиной силой,
С могучим и нежным взором;
Его сердце стучит в моих ребрах.
Он, кажется, стар,
Но он никогда не умрет.

Он — малый ребенок,
Но он ничего не боится.
В теле моем, как в тюрьме,
Спит узник с внимательным слухом.
Вспоенный кровью моей,
Он ждет условного дня.
И шлет условные знаки,
Могучие нежные такты,
Прямо в мой слух.

Он в щелке горячем живет,
Как на осыпи горной цветок,
И он ничего не боится.
Ясный, как лед, твердый, как лед,
Он выйдет однажды на волю
Всей силою львиных мышц.
Он, справедливый, как ветер,
И голос его — приговор.
Он никогда не умрет,
Его сердце стучит в моих ребрах,
Будет день — оно их взломает.

ИСЧЕЗНУВШИЕ

Посвящается Нелли Сакс *

Не земля поглотила их — может быть, воздух?
Бесчисленное песчинок, не песком они стали —
превратились в ничто.

---

* Нелли Сакс (род. в 1891) — немецкая поэтесса, живущая в Швеции, лауреат Нобелевской премии. В ее творчестве большое место занимает тема нацистских преследований. — Прим. перев.

Толпы забытых, они уходили один за другим,
как минуты.

Их — огромное множество. Мы их не помним.
Нам в пыли не прочесть
их имен, их подошв.
Все исчезло.

В чем нам раскаиваться, если мы даже не знаем,
родились они, умерли или бежали?
Но они — среди нас.

Оттого-то и держится мир,
что живут в нем и те, кого нет.
Они всюду.

Без них, кого нет, не было б ничего.
Отлетевшие дали нам твердость,
забытые — память и веру.

Справедливы исчезнувшие...
Так, однажды, и мы отзвучим.

ЛАРИСА

1.

На огромном конском рынке
(сладострастие кларнетов,
бубенцы, ковер шатровый,
жирное баранье мясо),
где лениво вертят вертел

босоногие цыганки
в окружении чумазых
босоногих цыганят,
в час, когда в костре дотлели
остывающие угли,
я тебя увидел...

2.

Затухая, отражалась
солнца огненная глыба
в медном зеркале котла.
На шуршащей белой гальке
хорошо сидеть и слушать
шелест ивовых ветвей,
плеск реки и всплеск рыбешек...

Там, на этой белой гальке,
я тебя поймал...

3.

К ночи вдруг похолодало.
Тяжело храпя, цыгане
спят в чаду тревожных снов,
спят нечутко. Но хозяин
на плечо жены склоняет
свой тяжелый подбородок
и зажмуривает глаз,
сладкой клеенный дремотой...

Невозделанное поле,
чернота цыганской ночи...

Ранней осени солому
мы с тобою разделили
в эту ночь...

4.

Просыпаемся: в мякине
наши волосы и уши.
По жнивью ползет роса.
Ошалелый птичий гомон
раздается над рекою,
тяжело несущей воды...

Ах, кому какое дело,
как названье той реки!

В этом зеркале зеленом,
в мутном зеркале речном
я в последний раз увидел
отражение твое...

5.

Крепким льдом сковало реку.
Наше зеркало речное
замело холодным снегом.
Зимний ветер разметал
нашу жаркую солому.
И давно погасли угли.

Там, по берегу реки,
ходит поп и палкой лупит
по камням, по белой гальке,

бьет, прислушиваясь к стуку
и глухой, далекий отзвук
ловит глупыми ушами...

Хорошо, что я не поп!

ЗАСЫПАНИЕ

Дай мне сегодня ночью
уснуть в удивленной гитаре,
в удивлении ночи,
в гитаре
разбитого дерева,
дай —
пусть отдохнут
на удивленных струнах
мои разбитые руки,
дай
выспаться ночи
на разорванных струнах
забытой гитары,
на сладко звучащих струнах
удивленного
дерева.

Карл Альфред **В**олькен

ПУСТЬ МЫ СМЕЕМСЯ...

Пусть мы смеемся в эти дни в Германии:
в полустране, в разодранной стране —
но есть другое: жалоба, стенание,
что до нутра мы прожжены в огне.

Да, прожжены! И в эти дни в Германии,
пусть даже в смехе, слышно каждый миг
высокой скорби тайное звучание;
и если я смеюсь, мне мнится крик

невыкричанный. Ведь в стране разъятой,
разъятый сам — смеюсь, не вопию,
как дурачок смеется над утратой,
ища в песке игрушечку свою.

И нахожу игрушку. Пыль сдуваю:
какой она была? Какой ей стать?
Не спрашиваю. И опять роняю.
Как ветхий камень рассмеюсь опять.

Качусь, как камень, за своим страданием,
вновь вопрошаю — но молчат кругом.

Спешу — и прибываю с опозданием,
и снова предстаю перед судом.

Чей окрик? От греха куда мне деться —
я сам себя окрикнул: кровь на мне.
Иду, стараюсь приласкать младенца,
но прожжено нутро мое в огне.

О, если б мне уйти от трибунала,
О, если б мог пожаловаться я!
Что оправданье! Этого мне мало,
я сам — убийца, жертва, судия!

СОН СТРАДАЮЩИХ БЕССОННИЦЕЙ В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Мы те, кому ночами плохо спится.
Над временем хотели посмеяться,
Мы те, кто не желает больше биться,
Сражаться, презирать или бояться.
Любой, кто осквернял или бесчестил,
Любой, кто поджигал и тварей мучил,
Убил сначала муху, после — жалость,
И бытие сочится кровью жгучей.
Качаясь на ветру в петле пеньковой,
Разумные созданья, а не быдло,
Мы признаем, что бытия основа
В том, чтоб добро над злом в смешенье было
Пощады ночь не впрыскивает в вены,
Она ресницы сном не окропит,
Она кошмаром надвигает стены,
Гнетет, пока душа не возопит.

Она пытается палачей и супостатов,
Что горестно глядят в бездонный мрак,
Терзает праведных и бесноватых.
А мир все так же темен, так же наг.
И свет ее — не месяц и не звезды.
Ничто не озаряет взгляд пустой.
Лишь расщепленных ядер отсвет грозный
В нас отразился желчной чернотой.
Зачем тогда щитами прикрываться?
Каким оружием владеем мы?
Ночные ангелы, что нас страшатся,
Парят, черны, над стенами тюрьмы.
О вере истинной и говорить не стоит,
Переступившим — нет путей назад,
Нас благодатью мир не удостоит,
Сияет свет, но факелы дымят.
Из перекладин виселицы грубой
Я флейту вырежу и заиграю так,
Что вдруг порозовеет над округой
И в звуках песни растворится мрак.

СМЕШЕНИЕ ВРЕМЕН ГОДА

В глубинах лета моего живет зима —
голуборукая, израненная блеском,
вся в маленьких иссохших птичьих гнездах,
нагих, безмолвных, погруженных в свет.

Внутри чистилища сжимающихся льдов
течет река исчезновенья
в извивах таянья, чистейшего тепла,
обогревающего птичьи яйца.

Сверканье декабря в союзе с ярким летом
против сырых туманов и простуд.
Не переходная пора, а сам мороз
кладет на мой порог плоды июня.

Трещат поленья. Дряхлый лед трещит.
В дровах, внесенных в дом, теплится холод.
И, растянувшись, он по гладким изразцам
зеленым учит радость и веселье.

Прошло то время, когда, душу цепеня,
он наполнял меня холодной дрожью.
Я — дверь, в которую проходит холод,
треща, сверкая подбирается к теплу.

Вы будете сиять, снега, чернеть,
во мне сражаясь так же, как в году.
Мороз становится прохладною рекою,
он напоит цветы, которые срывает
осенний ветер.

Петер **Р** *юмкорф*

Осьмушка луны, сирени букет —
и вот уже я размяк.
Выметаю все крохи души на свет,
сколько хранил костяк.

И я из ветхого шкафа наскреб,
что дорого вам и мне:
здесь голода стон и мечты захлеб
набросаны вчерне.

Вот я — Европы блудный сын.
Взгляните, как лик угрюм.
Я стравливаю один на один
содержанье кишок и ум.

* * *

Живем, поскольку жизнь дана —
не обозначен срок.
Уже мы выскребли до дна
познания котелок.

Еда печальна и горька —
запутанность причин...

Европа, наложница, баба быка!
Посмотри, как гибнет твой сын.

Он уходит. Его колотит озноб.
Не ему разрубить узлы...
Напоследок останется только сноб,
плюющий в горстку золы.

ОТ САМОСУДОВ СПАСЕННЫЕ...

От самосудов спасенные,
бредем, потеряв страх,
в Бельзен из Вавилона,
в карболке и в бинтах.

Барду бытия жрали,
познавали забвенья лоск.
Под лентами шляп в опале
его святейшество мозг.

Изъедены желчью вселенной,
но как ни клеймены тела —
глаз чистота нетленна
и рук теплота тепла.

Мы жизнь повторяем снова —
в памфлетах смола и роса.
Расплескивать, черпать слово —
путь вечного колеса.

КАК ВЫСТРЕЛ В ЗАТЫЛОК...

Пока не сгинешь — скитаться!
Что в памяти сохраним?
Под вечер минут пятнадцать,
когда я легко раним.

От суеты отрешенный,
ломок мыслей поток.
Месяц над Польшей бездонный,
как выстрел в затылок, глубок.

Волчьей влекусь игрою
сквозь осени план-квадрат.
Серебряных звезд икрою
высвечен Ленинград.

И в славянских домишках
вновь до одури пьян.
Амплитудные вспышки
плещут за внутренний план.

Там, где нас годы трепали,
сквозь мрак, разгул и бред, —
мечты в искрящем кристалле
магический пересвет.

ВИДЫ НА ПЕРЕМЕНУ

Не на что опереться!
В сердце и то перекося.

Мотивчик из оперетты:
насвистываю под нос.

О любовь, когда б ты сумела
стать стихотворной строкой,
ты б увидела душу и тело
рядом в упряжке одной.

Но заперты эти стервы,
как в клетку, в мой скелет.
Я делю надежды консервы
с сердцем, давшим любви обет.

Сердце, сердце — кто удивится,
что гибелен твой путь?
Нагрузка века ложится
на деревянную грудь.

Примешано к голоду зелье
грядущих сытых чудес!
На проблеск любого веселья
падает пепел с небес.

Курит закат краснокожий
трубку мира с видом тупым.
И день, что в мытарствах прожит,
уходит легко, как дым.

Войди же в ночь откровенно!
Мосты за собой сожги!
Надвигается перемена,
в которой не видно ни зги.

Стефан

ертнер

МОЕ ДЕЯНИЕ

В бомбоубежища
вас загоню
и заклеймлю своим тавром,
похороню
под ночью, раздавлю
коробки небоскребов
и ящики в кварталах бедноты.
Тогда расплавятся вершины
и испарятся океаны,
ковчег не будет спущен.
От прошений
меня избавьте:
совесть моя в бомбе.

Покуда я Землей владею,
противлюсь всем языческим владыкам,
которые пророчат человеку
библейский возраст.
Дерзкие! — хотя
сломить печати неба,
не признают ни бога, ни меня.
Но бог в Японии Ниниву покарал
и, стало быть, свободу предоставит
и мне и ей...

Когда она взорвется,
бог спустится с небес и будет в тишине
бродить по улицам и восхвалять меня
за то, что я ему оставил небо
и Землю передал ему навечно.
Избавьте нас от криков о пощаде:
вся наша совесть в бомбе.

Настанет новый год и день седьмой,
и сброшу бомбу я на твердь земную,
которую господь наш сотворил,
в тот час, когда спешите вы на службу.
А от молений вы меня избавьте:
вся совесть моя в бомбе.

ПОЖЕЛАНИЕ

Надо стихотворенья
писать на бумаге неба
вместо рекламы пива
или стиральной пасты.
Тогда бы кое-кто понял,
что, кроме атомной бомбы,
еще стихи создаются
и плата за них небольшая —
большая затрата
мысли.
И сила стиха взрывная
тогда разрядится раньше,
чем атомный дьявол в бомбе.

Экарт **В** лесман

ПЕСНЬ О БАРАБАНАХ

Барабаны, голубые во льдах, глашатаи дерзостных
планов,
Барабаны, белые, вмерзшие в снег, вместе с сожженными
мостами.
Барабаны, красные от огня, окровавленные молниями
залпов.
Барабаны, черненные черной печалью, растолченной черной
печалью.
Барабанные палочки, стертые в бесконечных ударах.
Ритм барабанов, тревожный,
крепнувший в топоте армий.
Барабанная дробь в раскатах орудий,
в бряцаньи оружия.
Грохот глухой, нарастающий гром,
влекущий в пропасть.
Горы сровнялись от мерных ударов,
опаленных порохом тактов.
Барабанная дробь наполняет долины, иссушает потоки.
Ужас и гибель идет по земле,
разбитой, втопанной в землю.
Барабанных палочек и подков искрящиеся удары.
Только мороз, наконец, остановит
грозовую черную тучу

Юрген **Б**екельман

ТОМУ, КТО ПОГИБ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

У нас нет жалости к тебе,
из ближних ты сделал убийц,
ты дал им случай превратиться в жертвы
и в убиении своем виновен сам —
поскольку убивать и быть убитым
одно и то же и вина равна.
У нас нет жалости к тебе.
Но мы скорбим.

НЕТ И ДА

Глядите, защитники родины: вот она, война.
Паук-сенокосец. Живучий. Кровавый.
Наши цели смердят. Словно черемуха.
У них трупный запах. А мы, едва
выйдя из материнского чрева,
в трудолюбивых, надежных, честных
глупцов превращаемся. Дохлые клячи,
которым великий барышник — жизнь —
напрасно подсыпал кой-куда перца.
А мы на овес косимся...

Хватит! Спасибо за полонез
в подлеске убийств.
Не стану гулять в роще виселиц
ваших раздумий. И место мое
на последнем параде, где скрещены тупики,
пустотой пусть зияет.
Завтра кто-то из вас на планетах других
справит малую надобность. Там, внизу,
пирамиды, площади, ночные горшки
и вы. Нацепите на грудь
орденские колодки отчаянья.

Согласен, что мы отпадем,
как кольца глиста-солитера,
и тотчас подохнем в параше.
Забавно сыграть этот танец
(«Краткое бытие»)
на коже, натянутой на барабан убиенья.
Однако и самый хромой из всех хромоногих
в сновидениях смотрит полезный сон
на бескрайних ступенях дерьма и счастья.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Взгляните, господин, на эту шубу,
всю из лоскутьев волка и овцы,
в ней даже по ночам не мерзну.
Не странно ли, как левым лошадиным
копытом я уверенно стучу?
Мост не провалится под ним?
Со мной пойдёмте. А?

От разочарований я свободен.
Хожу в дырявой, но достойной шубе.
Дорога? Я ее не знаю. Путь
показывает мне струя мочи.
Эй, парень, не робей, пойдем со мною,
и ты увидишь, что еще случится.

Фолькер фон Тёрне

ПЕЧАЛЬНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Папаша мой замерз близ Ленинграда —
лежал в снегу, от ужаса дрожа...

А я другой, мне многого не надо.
Я не из тех, кто жаждет мятежа.

Я врос в свое уютнейшее время,
покоем и порядком дорожа:
живу себе в согласии со всеми.
Я не из тех, кто жаждет мятежа.

И раз под солнцем отвели мне место,
я не хожу по острию ножа:
понявши тщетность всякого протеста,
я не из тех, кто жаждет мятежа.

Месил я глину, и таскал я камни,
построил дом в четыре этажа.
Пусть в этом доме не нашлось угла мне —
я не из тех, кто жаждет мятежа.

Семейство в сборе: я, жена и дети.
Чаяк горяч. И ветчина свежа.

Все остальное сказано в газете.
Я не из тех, кто жаждет мятежа.

Но часто сны мне не дают покоя:
полиция... решетки... сторожа...
Пожалуйте на плаху!.. Что такое?!
Я не из тех, кто жаждет мятежа.

Ведь знают все (трясусь как в лихорадке),
что, верою и правдою служа,
я... Тьфу ты черт! Проснулся! Все в порядке!
Я не из тех, кто жаждет мятежа!!!

СЕРЕНАДА ОДНОЙ КРАСАВИЦЕ

Хочешь, я гамма-лучами
Нарисую звездный камень?
Хочешь, буду петь глухому?
Рвать цветы с аэродрома?

Хочешь, пыль зажгу сырую?
Комок нервов зашнурую?
Побеседую с кометой?
Флаги понесу по свету?

Хочешь, я убью дракона?
Бога сплавлю из капрона?
Хочешь, Будду четвертую?
Два ковчега зафрахтую?

Хочешь, спрячу наши клены?
Сделаю kota ученым?

Хочешь, в кратере станцию?
Мой дворец замаскирую?

Хочешь, крыс убью и даже
Шаль сотку тебе из сажи?

А потом, хотелось знать бы,
Средь развалин справим свадьбу?

ВОПРОС

Дед мой шел умирать на запад.
Отец — на восток.
А мне в какую сторону?

Арно Рейнфранк

ВСПОМНИ, ГЕРМАНИЯ!

Когда улицы древних твоих городов
были погребены
под щебнем, осколками, мусором
взорванного, побежденного
царства обмана и глупости,
и ты,
полная печали и просветления,
задумчиво сидела на зеленом холме, —

когда хлеб из кукурузной муки
казался таким бесконечно сладким
и дети не отходили
от запертого на ключ кухонного шкафа,
когда ковыляние возвратившихся разоруженных
солдат
означало наступление мира,

когда в газетных киосках
святость свободы и человеческих прав
радостно провозглашалась
с приветливо-пестрых страниц,
сброшюрованных в тетради,

выпускаемые на грубой бумаге
американским военным издательством,
когда студенты вместе с рабочими
входили в одни и те же заводские ворота
и мастерили оконные стекла
из жалких осколков,
когда фабричный совет
считался ответственным
за продукцию фабрики,

когда на сквозном ветру,
в изношенном сером пальто
мужчина ждал женщину
возле театральной кассы,
купив драгоценный билет
на вновь разрешенного Горького,

когда вчерашние узники
концлагерей,
изнемогая от усталости,
заседали до полночи в ратушах,
а вчерашние наци,
прячась в мебелирашках,
притворно или же искренне
читали библию и сочинения Ганди, —

тогда никому не могло прийти в голову,
что старая, ветхая ложь,
возникшая в диком мозгу
убийц и безумцев,
снова сомнет и раздавит
робкую нашу свободу,
как это случилось сегодня, —
вспомни, Германия!..

ГРОШОВЫЕ ИСТИНЫ

Помолишься — продвинешься,
нажрешься — будешь сыт.
И, ежели богат отец,
богатым будет сын.
В каморке, как блиндаж сырой,
ютимся вчетвером —
Сухое место на стене
мы вряд ли здесь найдем.
В счет долга нашу кровь берут
заморские банкиры.
Неужто и об этом врут
подкупленные лиры?
Кто телевизор полчасика
прослушает подряд,
Тот нервным смехом изойдет,
не будет жизни рад.
Все песни, славящие мир,
у нас запрещены
Лишь потому, что нарушать
не стоит тишины.
Кто не имеет ничего,
не даст другому ничего,
А кто набил себе карман,
кричит, что это ничего.
Демократической стряпней
покуда сыт народ,
До той поры порочный круг
он вряд ли разомкнет.
Вояки нынешнего вермахта
без дела скоро пропадут,

НЕБЛАГОДАРНОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мы, кто смотрели диапозитивы
с изображеньем трупов в лагерях,
стереоскопов грубые картинки,
мы выросли
неблагодарным поколеньем
по отношенью к старшим.

Еще отцы не обратились в бегство
с чужих границ,
когда мы с матерями
бежали от налетов и пожаров
туда, навстречу призрачному тылу,
питаюсь жидковатым молоком.

Потом нас в школах стали обучать
простейшей арифметике свободы
(так шло до 49-го примерно).

А между тем родители вернулись
к иной науке —
к алгебре реакции.

Церковь, армия и избранное за деньги

правительство

стали капелькой крема
на наших булочках.

И вновь показывают диапозитивы
и стереокартинки:
новых трупов
там видим груды —
трупы африканцев, растерзанных арабов или негров.

Они лежат вверх животами,
ступни врозь...

Своих родителей,
которые все это допустили,
мы любим по отдельности.

Но всех их вместе
мы презираем.

У ВАС НА ГЛАЗАХ

Я — негр, слуга,
Который через дырочку в заборе
Заглядывает в сад,
Где ветки зацвели.

Я — девушка, которая к медведю
На ярмарке сама заходит в клетку
И разрешает обнимать себя
Перед толпою, на глазах у вас.

Я — грязная старуха оборванка.
Никто из сыновей, никто из внуков
Не купит пары новых башмаков
Для ног моих отечных и лиловых.

Я — пьяница, которого всегда
Задерживает трезвый полицейский
За то, что я кричу на перекрестке
О хамском обращении с людьми.

МОЙЩИК- МАШИН

Кто загребает денег много,
Живет за пахузой у бога.

В обед в его квартале мирном
Чудесно пахнет кушем жирным.

В саду среди розы и пиона
Рубашки сохнут из нейлона.

Дороден там любой мужчина,
И в этом — главная причина

Того, что благостный живот
Застежки на жилетах рвет.

Их жены после бадминтона
В бассейне плавают законно.

Они разводят пуделей,
Поскольку роды тяжелей.

Ах, сколько зрелищ для мужчины,
Который моет их машины!

РЕДАКТОР

Я вечно в осаде
телефонов, кофе, сигарного дыма.

Чтобы сберечь брюки —
на стуле подушка, набитая страхом.

Над столом моим — глаз;
для надзора за самим собой.

На двери начальства
за мочку привешено ухо.

Глаз, ухо и мысль
мешают в моей работе.

Глаз ползет по ноге секретарши,
в ухе воркуют голуби.

И не в свое дело суется мысль:
отличает ложь от правды.

Рольф **Г** *ауфс*

ШПИК

Мертвых птиц он носит в кармане,
В саду для них роет могилку,
В тайной книжке против фамилий
Ставит галочки и кресты.

Он ветряк наладить умеет,
Лично кормит гусей и утятюк,
Он зовет собаку «Дружок».

Он рисует сердечки на ставнях,
Кружевные любит подушки
И отменно вежлив с детьми.

Он честен, никогда не обманет,
Он цитирует апостола Павла,
Вносит лепту на Красный Крест.

Мертвых птиц он носит в кармане,
Во дворе ломает снегурку.
Против каждой фамилии ставит
Галочки или кресты.

ВЕДЬ ВСЕ МЫ ЛЮДИ

Отклеить с подоконника букашку
Приставшую суставчиками к свежей краске

Извлечь упившуюся муху
Сведенную последней судорогой в студне

Как можно вежливей собаке предложить
Оставить пошлое такое твяканье

Кусочек сала подложить мышонку
Не думая конечно поймать его на этом

Ежу определить местечко потеплее

Подвинуть кресло курице больной

Участливо взглянуть на ворона с разбитым сердцем

Помазать миром кошку
Чтобы ей легче было отходить

Вот что всегда нас будет отличать
От низших тварей

ДАХАУ

Может, я и вернусь обратно в долину,
Когда-нибудь после — пусть на камнях развалин
Высохнут слезы,

Хлеб станет снова хлебом,
А наказание равным вине.

Может, тогда и наступит время
Делать признанья
Куклам моей уже взрослой сестры,
Строить крепости из песка и поведать
Тополю в нашем дворе о разбитых стеклах.

Но еще я сверну у дорог,
Где цветут анемоны и воняет бензином,
У дорог, у дорог, бегущих в Дахау, —
Брата искать моего в пыли городов,
Возвращать камням слезы...

Кристоф **М** *екель*

ЧАЕВЫЕ

Подсчитывайте перед смертью чаевые!
Ощупывайте монеты перед тем, как опустить их в карман!
Чем вы заслужили чаевые?
Что от вас требуют
в награду за чаевые?

Кому польза от вашего молчания?
Кому вред от вашего голоса?
Что скрывают от вас, награждая вас шорами?
Что успели вы подсмотреть перед тем, как вас ослепили?
Что вы натворили во сне?
Чем заслужили вы ром и жаркое?

Подсчитайте внимательнее чаевые, запоминайте
расположенных к вам
за то, что они обещали запомнить вас.
Что пользы вашему соседу сохранять вам жизнь?
Что пользы сторожу охранять ваш сон?

Подсчитывайте перед смертью чаевые!
Ощупывайте монеты перед тем, как опустить их в карман!

Чем вы заслужили чаевые?
Что от вас требуют
в награду за чаевые?

СЮДА ЕГО!

Сюда его, кто грезит наяву,
не просыпаясь и не протирая глаз!
Он имени не помнит своего.
Занятие? Он говорит, что спит.
Отечество? Оно давно мертво.
Сюда его, кто грезит наяву!

А где его постель, колодец — где?
Невесты, слуги, чемоданы — где?
Где лошадь? — В стойле. Рыба где? — В воде.
Вино? — В мехах. Кукушка где? — В часах.
А деньги? — В кошельке. Вошь? — В волосах.
Где он, который грезит наяву?

Куда его, лунатика, девагы?
Как быть с ним, спящим непробудным сном?
Петлю на шею!
Петлю на шею!

УКАЗ

Мы — царства лжи всеильные тираны,
творцы всей правды с помощью обмана,
мы — стражи чуда — требуем ответа:
когда лишат луну и звезды света,

чтоб не тревожил наших снов ночами,
когда киты взлетят над облаками,
когда же ветер пустит в тучах корни
и снег на землю будет падать черный,
и жаба воспарит и свистнет рак,
потонут рыбы в реках и морях,
и, опечаленные сим известьем,
мы рыбкой золотой змею окрестим,
когда, предъявленные полумраку,
мы в преисподню спустимся по знаку
и, отданные снам в распоряженье,
когда мы станем собственной тенью?
Мы, верные воздушных замков стражи,
мы, призванные чудесами княжить,
провозглашаем миру непокорных:
«Да, буйный ветер пустит в тучах корни
и рыбы воспарят над облаками,
киты потонут в Тихом океане,
на дне морском лежать сугробам снега,
горам завязнуть в синих высях неба...
Мы быль на сказку сделаем похожей —
сравнится правда с кривдою и ложью.
Мы — царства лжи всеильные тираны —
отменим чудо с помощью обмана».

У ТОЧИЛЬНОГО КАМНЯ

Точильный камень колесом
кружится под моим ножом,
и искры сыплются столбом,
а я свой нож точу тайком.

А камень кружится, жужжа,
и точит лезвие ножа,
и стружки падают вокруг
из-под моих упрямых рук.
Мой нож отточен. Я возьму
его с собой в ночную тьму.
— Попробуй-ка сразись со мной,
кто вышел ночью на разбой.
Поближе подойди ко мне,
посмейся надо мной во тьме!
А ну-ка подходи любой —
Мой нож отточенный со мной!

ПАВЛИН

Я не видел, чтобы из пепла Германии возродился Феникс.
Разрывая ногою пепел,
я натыкался на обугленные плавники, чешую и рога,
но я видел павлина, разрывавшего пепел
деревянным крылом и другим — железным,
он рос на глазах, раздирая в клочья пепелище,
сверкая своим опереньем.

Я видел, как из пепла Германии выползали ворòны,
ощетинившиеся соловьи с охрипшими глотками,
остроклювые петухи с оголенными гребнями,
чтобы хором воспеть, воссвистать славу птицы.
Я видел их, рывшихся в пепелищах,
раздуваемых ветром,
я видел холодный дым, относимый в широты,
где что-то сверкает, но вряд ли золото.

Я не замечал, чтобы из пепла Германии возродился Феникс.
Но я видел павлина в сиянии собственных перьев,
я видел его распустившим сверкающий хвост
при свете зарниц на фоне мрачного неба.
Я слышал восторг воробьев и ворон, и я видел:
стаи сорок, клевавших его золотые перья,
черных вшей, копошившихся в его опереньи,
муравьев, выедавших его глаза.

ГИМН

Вся в лохмотьях — заплата пришита к заплате —
смотрит в зеркало неба моя страна,
чуть кокетничая древним своим нарядом...
Я живу здесь, в стране неизбывных слез.
Стены плача — это ее границы.
Здесь живу я, в стране, полюбившей смерть, —
о, искусство гробовщиков украсило недра земные!

Здесь скелетами вымощены шоссе.
Расточительна смерть — ненасытный растратчик.
И дымят под могучим, бессмертным солнцем
прокопченные скорбные фабрики смерти.

Я живу среди отзвуков дальних рыданий,
среди непрочности жизни и прочности смерти,
я привязан к стране этой против собственной воли,
силой страха и чувством самосохраненья —
осторожностью. Так на спине у слона
кувыркается акробат-обезьяна.

Я живу в стране, полюбившей смерть...
Дети этой страны погибли, не зная надежды.
Ничего для меня не осталось. Осколки... Осколки...

КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ

Когда я утром, наконец, проснулся,
я понял, что, конечно, опоздал.
Они уже уехали отсюда —
все, как один. Все города и села.
Ни камня не осталось, ни травинки,
за ними следом ускользнули реки,
ушла пустыня, и морские дюны
не утерпели: тоже уползли.

Мир был похож на опустевший дом.
И только в вышине, над головою,
как лампочка, что вывернуть забыли,
висела одинокая звезда..
Держа в руке последнюю кукушку,
лежал я там, где прежде лес чернел...

Маршон Ротгаунт

МАРШИРУЮЩИЙ

Когда березы тянутся к весне,
Я марширую.
Березы над могилами друзей качаются —
Но я иду, как шел.
В селе, на родине снопы молотят —
Я марширую.
Я молочу лишь гальку мостовых.
Мой урожай — песок да щебень,
Красный, как зрелый плод,
Не к радости созревший.
Я марширую. Один, без друга,
Как дикая собака
Бреду через войну,
Иду навязанною мне дорогой.
Пока зима не даст мне одеяла,
Чтобы и я под ним, окостенев,
Лежал без славы, без огня и без лица —
Всего лишь догнивающим остатком
Военной грязи.

Уве мидт

СМЕРТЬ СТОРОЖИХИ МОРГА

С усердием померла сторожиха,
ее нашли обряженной в лучшее платье
на высоко взбитых подушках
с молитвенником в изножье.

Еще о дожде помолиться успела
во время крестного хода
и обмыть идиота безногого —
это желание сбылось.

С усердием померла сторожиха,
сервиз ее с розами
был в идеальном порядке, прозрачная
ракушка с Альбека положена ровно
между двумя изречениями на овальных дощечках.

Она сварила компот
для своих поминок и велела
соседскому мальчику зарыть в землю герани,
он получил за это в награду
четыре конфетки.

**С усердием померла сторожиха,
вряд ли кого удивит,
что она сама перед смертью
старательно обмыла свое тело.**

Петер **В** *ауц*

ЕСЛИ ВЫ СТАНЕТЕ ВЕСТИ СЕБЯ ТИХО-ТИХО...

Если вы станете вести себя тихо-тихо,
Вы услышите землю, бедняги.
Если вы станете вести себя тихо-тихо,
Вы увидите землю.
Долой ваши лияльные флаги!

Но всегда находится кто-нибудь, имярек,
Чья обязанность — рекламировать
Швейную машину:
— Спешите! Не пожалеее! Чек!

У меня лопаются барабанные перепонки,
Господи боже, позволь бродяге
Дать им в морду, чтоб эти подонки
Сняли свои лияльные флаги.

ПОЛИДЕВК, ТЫ ПОМНИШЬ?

Полидевк, ты помнишь?
Затон у городских ворот.
Мы вечно околачивались там
на нашей молчаливой лодке
в час фиалок.

И крошили в воду
куски
прошептанных мечтаний.
Они в ней вспыхивали с шипеньем
догоравших сигарет
и гасли. Больше ничего.
Ведь старая планета
не говорит во сне,
и не дает ответов
на огни.

Петер **У** *тендорф*

ИХ ПРОМЫСЕЛ

Они, как еврея, втокнули меня в душегубку, потом
Они, как негра, меня повесили на холме,
Они, как собаку, меня отстегали кнутом
И, считая скотом,
Держали меня в дерьме.

Они меня ослепили,
На сердце мое наступили
Грязными сапогами.

Но я вцепился двумя руками
В надежду, которую не убили.

Гунтрам **В** *еспер*

ВЫВОДЫ, К КОТОРЫМ ПРИХОДИШЬ С БОЛЬШИМ ТРУДОМ

1. Противники крыс многочисленны,
2. Что убедительно явствует
из их разговоров и писем.
3. Крысы селятся по откосам.
4. Они изучили своих врагов,
а также привычки последних.
5. Им нечего беспокоиться —
никто не придет
6. Их убивать.
Разве что в письмах и разговорах.

Фридрих Кристиан елиус

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В феврале —
день рождения моего страха —
будет пирушка с моими врагами,
весь вечер по очереди
мы будем толковать предсказания,
которые бледный оракул
пошлет из пустых стаканов.

Мои враги, блюстители тишины и порядка,
объявят в стране
рокошное чрезвычайное положение,
когда, приветствуя страх,
мы трижды крикнем: ура!
Трижды: ура!

А утром они сделают
мою чугунную голову легкой
(для того они и явились),
они поздравят меня (будь счастливи!):
будь доволен,
и дарами осыпанный страх
опять водвори себе в сердце
до будущей годовщины.

КОШКАМ

Сумерки — это кошачье время,
кошки крадутся через дорогу
и выдыхают угасший день,
играя глазами в локомотивы.

Кошки уносят к себе луну,
они разговаривают метафорами,
в канаве высмеивают безнравственность,
издеваются над покладистым ветром.

Охота на птиц отложена временно,
кошки знают что к чему,
они вгрызаются в мои непрочитанные письма.

Я пишу: да здравствуют кошки
в кошачье время.

ОБ АВТОРАХ

БАУЦ, ПЕТЕР — родился в 1940 году в Штутгарте. Печатается с 1964 года. Лучшим его стихам свойственна дерзость поэтических образов и большая искренность. Пишет также «лирическую прозу».

БАХМАН, ИНГЕБОРГ — выдающаяся поэтесса; родилась в 1926 году в Клагенфурте (Австрия), изучала философию в Вене, защитила в 1950 году диссертацию о немецком экзистенциализме; в 1953 году вышла книга стихов «Отсроченное время», отмеченная премией западногерманской «группы 47». После этого уехала из Австрии, жила в Мюнхене, Риме, Цюрихе; сейчас живет в Западном Берлине. Поэзия Бахман, как и несходная с ней во всем остальном поэзия Целана, обладает удивительной строгостью и одновременно подлинной гармонией; она подчинена законам музыкального контрапункта. Разрывая круг трагических сомнений, Бахман произносит слова обвинения «вчерашним палачам», призывает «разбить цепи», сковывающие надежду. Свободные ритмы ее стихов напоминают о «гимнах» Гёте и Гельдерлина. В 1960 году во Франкфурте (родине Гёте) прочла цикл лекций о литературе, в котором дала глубокую оценку всех исканий литературы и мысли Запада XX века. В 1966 году поэтессе присуждена премия имени Георга Бюхнера.

БЕКЕЛЬМАН, ЮРГЕН — поэт и прозаик. Родился в 1938 году в Магдебурге. Первая книга стихов «Бездомный волк» издана в 1959 году. В русском переводе в 1965 году вышел его роман «Золотой смерч». Живет в Западном Берлине.

БЕХЛЕР, ВОЛЬФГАНГ — один из известных поэтов «среднего» поколения. Родился в 1925 году в Аусбурге, после окончания гимназии был призван в гитлеровский вермахт. Вернувшись из плена, начал печатать первые стихи; с 1956 года живет во Франции. Бехлер выпустил пять сборников стихов (последний из них — «Дверь из дыма», 1963) и роман «Ночной гость». «Мы — сыновья безжалостного времени» — эта начальная

строка одного из стихотворений Бехлера выражает его ощущение мира.

БОРХЕРТ, ВОЛЬФГАНГ (1921—1947) — поэт, драматург, прозаик. Родился в Гамбурге, до войны был актером. В 1941 году был ранен на русском фронте; тяжело раненный и больной желтухой и дифтерией, Борхерт был заключен в Нюрнбергскую военную тюрьму за антифашистские взгляды. После освобождения был арестован вторично; лишь в 1945 году Борхерт получает свободу. Два года спустя он умирает в швейцарском санатории. Борхерт успел написать немало — лирические новеллы, стихи (сборник «Фонарь, ночь и звезды», 1946), знаменитую драму «На улице, перед дверью». Его открытая лирическая исповедь, бурное отрицание войны и насилия, страстная защита прав человека, позволяют по праву считать Борхерта зачинателем послевоенной немецкой литературы.

ВЕСПЕР, ГУНТРАМ — родился в 1941 году. Был рабочим, окончил школу с большим опозданием, сейчас изучает медицину в Штутгарте. Сам Веспер называет свои стихи «формулами познания», они написаны с нарочито назидательной целью. Его антивоенные стихи отличаются сжатостью и холодной, презрительной иронией. Печатается с 1964 года.

ВОЛЬКЕН, КАРЛ АЛЬФРЕД — родился в 1929 году. Шестнадцати лет был мобилизован в гитлеровскую армию, после войны десять лет работал столяром. Первая книга стихов «Неслышный приезд» вышла в 1960 году. В отличие от многих западногерманских поэтов, отстаивающих «незаинтересованность» поэтического эксперимента, Волькену свойственна гуманистическая вера в особое назначение поэзии; поэзия, по его словам, не будет «творить кровавого дела в кровавые дни».

ГАУФС, РОЛЬФ — родился в 1935 году в Дюссельдорфе. Живет в Западном Берлине. Его стихи намеренно угловаты, сдержанны, часто близки по интонации к разговорной речи; тема многих из них — ответственность молодого поколения за будущее страны. Сборники стихов: «Дорога на Кольха-зенбрюк», 1962; «Воскресные дни в Моабите», 1964.

ДЕЛИУС, ФРИДРИХ КРИСТИАН — родился в 1943 году в Риме, окончил гимназию в Корбахе (Западная Германия). Сборник стихов «Бирка» издан в 1965 году. Первые стихи Делиуса — беглая, обычно ироническая зарисовка городской жизни. Сейчас — студент «Свободного университета» в Западном Берлине.

КЛЕСМАН, ЭКАРТ — родился в 1933 году. Изучал историю искусств; был продавцом книжного магазина, редактором; сейчас — сотрудник одного из издательств в Гамбурге. Образы искусства, античных мифов, природа (чаще всего тоже переданная в античных символах) занимают очень большое место в его стихах. Выпустил сборник стихов «Охота на единорога» (1963).

ЛЕНЕР, ПЕТЕР — швейцарский поэт и журналист. Родился в 1922 году, сейчас живет в Берне, преподает в гимназии. Поэзия Ленера проникнута тревожным предчувствием опасности, в ней угадывается скрытый призыв к действию. Выпустил три книги стихов: «Красное, зеленое» (1955), «Сумерки на асфальте» (1956), «Вылазка» (1959).

МЕКЕЛЬ, КРИСТОФ — поэт и художник. Родился в 1935 году в Берлине. Создал несколько известных графических циклов; с его гравюрами были изданы сборники стихов Иоганнеса Бобровского и молодого поэта Рольфа Гауфса. Стихи Мекеля вводят нас в особый мир, стоящий на грани реальности и вымысла, и мир этот оказывается как бы подобием родины поэта — «страны в ореоле слез», о которой Мекель всегда говорит с безнадежной болью. Сборники стихов: «Шапка-невидимка» (1956), «Гостиница для лунатиков» (1958), «Туманный рог» (1959), «Чаща» (1962). Живет в Западном Берлине.

РЕЙНФРАНК, АРНО — родился в 1934 году. С 1955 года живет в Лондоне. В своих стихах, дважды — в 1957 и 1964 годах — отмеченных премией имени выдающегося поэта-антифашиста Курта Тухольского, Рейнфранк издевается над официальными лозунгами благоденствия и процветания. Первая книга вышла в 1959 году, последние сборники — «На нашей звезде» (1965), «Праща Давида» (1966).

РИГЕЛЬ, ВЕРНЕР (1925—1956) — родился в Данциге, сразу после окончания гимназии был отправлен на фронт. Вернулся с тяжелыми ранениями. После войны был ночным сторожем, рассыльным; изредка печатал фельетоны в газетах. При жизни Ригеля вышла лишь одна небольшая тетрадь стихов («Неприятные стихи», 1956, изданная совместно с Петером Рюмкорфом); после смерти поэта его друзья выпустили сборник «Стихи и проза», 1961. Намеренный прозаизм, сочетание «высоких» слов и понятий с нарочито грубыми и вместе с тем подлинное поэтическое чувство отличают стихи Ригеля. В его горьких и насмешливых строках постоянно ощущается несоответствие между «большими обещаниями» и жестокой прозой буржуазной действительности.

РОТГАУПТ, МАРИОН — родилась в 1937 году. Живет в Кельне. Была стенографисткой, актрисой; стихи печатались в западногерманских журналах и в альманахе «Новые тексты» (ГДР).

РЮМКОРФ, ПЕТЕР — родился в 1929 году. Вместе со своим другом, поэтом Вернером Ригелем, издал сборник «Неприятные стихи» (1956), редактировал печатавшийся на гектографе журнал «Между войнами» (1952—1956). Считает себя представителем «финизма» («финисты» убеждены, что всеобщая военная катастрофа неотвратима и близится финал цивилизации). Сборники стихов: «Земная радость» (1959), «Фокусы» (1962).

ТЁРНЕ, ФОЛЬКЕР ФОН — родился в 1934 году. Автор дерзких сатирических куплетов, близких к уличным песенкам, но имеющих очень точный политический адрес. В Германии такие стихи, как известно, имеют серьезную литературную традицию (Ведекиннд, Мюзам, Брехт). Пишет также стихи для детей. Тёрне по образованию социолог, был редактором журнала, затем три года — с 1958-го по 1961-й — шахтером и рабочим в каменоломнях. Живет в Западном Берлине.

УТЕНДОРФ, ПЕТЕР — родился в 1941 году. Живет в Падерборне (Вестфалия), где изучает педагогику. Его антивоенные стихи были впервые напечатаны в 1964 году в ГДР.

ФРИД, ЭРИХ — известный австрийский поэт. Родился в 1921 году в Вене; в 1938 году, после аншлюса Австрии, эмигрировал в Лондон. Был рабочим на стекольном заводе, химиком-лаборантом; с 1946 года — постоянный автор Британского радиовещания. Как поэт и прозаик, Фрид испытал сильнейшее воздействие Франца Кафки, в творчестве которого ему близок трагический протест против повиновения антигуманным силам. Отдав дань «чистому эксперименту», увлечению игрой ассоциаций и звуков, Фрид постепенно пришел к пониманию гражданского назначения поэзии. Об этом говорят его антифашистские стихи и недавние стихи о Вьетнаме. Известен также как переводчик Т. С. Элиота, Дилана Томаса и автор радиопьес. Стихи Фрида собраны в шести книгах: «Германия», 1944; «Австрия», 1945; «Стихотворения», 1958; «В царстве камней», 1963; «Предостережения», 1964; «...и Вьетнам!», 1966.

ХЁЛЕРЕР, ВАЛЬТЕР — родился в 1922 году. Живет в Западном Берлине. В 1949 году защитил докторскую диссертацию, сейчас — профессор истории литературы в Техническом университете (Западный Берлин). Совместно с писателем Гансом Бендером он создал и редактирует (с 1954 года) известный литературный журнал Западной Германии — «Акценте», где печатаются и некоторые поэты ГДР. В антологии «Транзит» (1956) им собраны образцы «авангардистской» поэзии.

ЦЕЛАН, ПАУЛЬ — выдающийся современный поэт. Родился в 1920 году в Черновцах, после войны жил в Вене, с 1948 года — в Париже. Мать поэта погибла в гитлеровских лагерях. Уже в «Фуге смерти» (1948) ясно видны особые законы поэзии Целана: отказ от всего случайного, сгущенность лиризма, музыкальность. В более поздних стихах возрастающее напряжение мысли как бы дробит строку, выделяя и подчеркивая отдельные образы. Целан посвящает некоторые из новых стихов Испанской республике, Октябрю, и это определяет его особую идейную позицию среди других поэтов. Высокое признание получили его переводы Блока, Есенина, Мандельштама, Рембо, Поля Валери. В его новой книге «Ничейная роза» (1963) большая поэма посвящена памяти М. Цветаевой. В 1961 году Дармштадтская академия поэзии присудила Целану премию имени Георга Бюхнера.

ШЕРПНЕР, СТЕФАН — родился в 1931 году. Член КПГ, по профессии — плотник, после запрещения коммунистической партии начал работать журналистом в Гессене. Сборник его агитационных стихов и прозы издан в ГДР под названием «Потому что рабочий я сам!» (1959); заглавие заимствовано из стихотворения Б. Брехта «Песнь о едином фронте».

ШМИД, ВИЛАНД — родился в 1929 году. Изучал историю искусств в Вене. Сейчас живет в Ганновере (ФРГ). Стихи печатались в антологии Вальтера Хёлера «Транзит» (1956), позднее вышли сборники: «Карта ветров» (1957), «Вино на могилах» (1962), «Слева и справа — ночь» (стихи и проза, 1962).

ШМИДТ, УВЕ — родился в 1939 году. Автор двух книг прозы и нескольких сборников стихов («Крысиная флейта», 1960, «Прекрасный пейзаж с фигурами», 1959). Жил в Мюнхене, в настоящее время — в Линце (Австрия). Стихи Шмидта отличает острое ощущение трагизма буржуазной повседневности, самые обыденные события предстают у него в неожиданно зловещем свете.

ШОЛЛЬ, АЛЬБЕРТ АРНОЛЬД — родился в 1926 году в одном из городов Рура. Поэт, критик, автор радиопьес. В известной антологии «Мой стих — мой нож» (1955) выступил в защиту «чистой формы», абстрактной поэзии. Ссылаясь на опыт английского поэта Т. С. Элиота, он утверждает, что «предмет, тема, не имеет значения для автора». Но в поэзии Шолля (наряду с абстрактными композициями) есть стихи, где с подлинной силой выражена трагическая судьба поколения («...рыданье замерзло в наших гортанях»).

ЭНЦЕНСБЕРГЕР, ГАНС МАГНУС. — Западногерманская критика называет его «гневным наследником Брехта». «Задача стихов, по мнению Энциенсбергера, — разъяснить истинное положение дел, которое нельзя разъяснить иными, более приятными средствами». Родился в 1929 году, в конце войны был мобилизован в «народное ополчение», после войны торговал на черном рынке и работал в баре, чтобы иметь возможность учиться. В 1956 году защитил диссертацию о выдающемся немецком поэте Клеменсе Брентано. С 1957 по 1964 год (с перерывами) жил за границей — в Риме и в Нор-

вегии; сейчас издает литературный журнал «Курсбух». Сборники стихов: «В защиту волков» (1957), «Родной язык» (1960), «Шрифт для слепых» (1965). В 1965 году поэту присуждена премия имени Георга Бюхнера. Член литературной «группы 47».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Л. Гинзбурга	3
Пауль Целан	
Памяти Поля Элюара. Перевод Г. Громана	14
Шиболет. Перевод Г. Громана.	15
«Очи...» Перевод Г. Громана	16
«Я здесь один...» Перевод Г. Громана	16
Фуга смерти. Перевод Л. Гинзбурга	17
Эрих Фрид	
Мероприятия. Перевод В. Куприянова	20
Сорок два школьника. Перевод Л. Гинзбурга	21
«Один нас лишает мысли...». Перевод Л. Гинзбурга	22
Убивать. Перевод В. Куприянова	23
Искоренение. Перевод В. Куприянова	23
Наводнение. Перевод В. Куприянова	24
Вольфганг Борхерт	
Попробуй. Перевод И. Резникова	26
В Гамбурге. Перевод И. Резникова	26
Вальтер Хёллерер	
Он на обочине шоссе лежал... Перевод В. Корнилова	28
О, содрогнись, взглянув на красный мак... Перевод В. Корнилова	29
Кардинальные перемены. Перевод Л. Гинзбурга	30

Петер Лёнер

- Строки времени. Перевод Д. Самойлова. 32
С тех пор как мы у богов... Перевод В. Куприянова 32

Вольфганг Бехлер

- Черное и белое. Перевод В. Куприянова 34
Первый взгляд на Париж. Перевод Е. Бовкуна . . 34
Еще земля дрожит... Перевод В. Куприянова . . 35

Альберт Арнольд Шолль

- Кое-что надо исправить. Перевод Е. Бовкуна . . . 37

Ингеборг Бахман

- Осенние маневры. Перевод Г. Громана 38
Отсроченное время. Перевод К. Богатырева . . 39
Полдень. Перевод А. Исаевой 40
Изо дня в день. Перевод К. Богатырева 41
Ночной полет. Перевод Г. Громана 42
В грозе роз. Перевод А. Исаевой 44
Игра окончена. Перевод Е. Харитонова 44
К солнцу. Перевод А. Исаевой 45
«Корабль загружен летом до отказа...». Перевод
В. Куприянова 47

Вернер Ригель

- Гимн новому человеку. Перевод Л. Гинзбурга . . 48

Виланд Шмид

- На плечах. Перевод Е. Бовкуна 49

Ганс Магнус Энценсбергер

Защита волков от овец. Перевод Л. Гинзбурга . . .	50
Последнее волеизъявление. Перевод Л. Гинзбурга	52
Трамвайному пассажиру. Перевод Л. Гинзбурга .	54
Узник. Перевод Г. Громана	57
Исчезнувшие. Перевод Л. Гинзбурга	58
Лариса. Перевод Л. Гинзбурга	59
Засыпание. Перевод Л. Гинзбурга	62

Карл Альфред Волькен

Пусть мы смеемся... Перевод Д. Самойлова . . .	63
Сон страдающих бессонницей в летнюю ночь. Перевод Д. Самойлова	64
Смешение времен года. Перевод З. Миркиной . .	65

Петер Рюмкорф

«Осьмушка луны...» Перевод В. Куприянова . . .	67
«Живем, поскольку жизнь дана...» Перевод Л. Гинз- бурга : : : : :	67
От самосудов спасенные... Перевод В. Куприянова	68
Как выстрел в затылок... Перевод В. Куприянова .	69
Виды на перемену. Перевод В. Куприянова . .	69

Стефан Шерпнер

Мое деяние. Перевод В. Корнилова	71
Пожелание. Перевод В. Корнилова	72

Экарт Клесман

Песнь о барабанах. Перевод З. Миркиной . . .	73
--	----

Юрген Бекельман

- Тому, кто погиб в будущей войне. Перевод В. Корнилова 75
Нет и да. Перевод В. Корнилова 75
Предложение. Перевод В. Корнилова 76

Фолькер фон Тёрне

- Печальное разъяснение. Перевод Л. Гинзбурга . 78
Серенада одной красавице. Перевод В. Чудова . . 79
Вопрос. Перевод З. Миркиной 80

Арно Рейнфранк

- Вспомни, Германия! Перевод Л. Гинзбурга 81
Грошовые истины. Перевод Б. Слуцкого 83
В ботаническом саду. Перевод Б. Слуцкого . . . 84
Неблагодарное поколение. Перевод Е. Винокурова 85
У вас на глазах. Перевод Ю. Мориц 86
Мойщик машин. Перевод Ю. Мориц 87
Редактор. Перевод В. Куприянова 87

Рольф Гауфс

- Шпик. Перевод Г. Громана 89
Ведь все мы люди. Перевод Е. Харитонова . . . 90
Дахау. Перевод А. Исаевой 90

Кристоф Мекель

- Чаевые. Перевод К. Богатырева 92
Сюда его! Перевод К. Богатырева 93
Указ. Перевод К. Богатырева 93
У точильного камня. Перевод К. Богатырева . . . 94
Павлин. Перевод К. Богатырева 95

Гимн. Перевод Л. Гинзбурга	96
Когда я проснулся. Перевод Л. Гинзбурга	97
Марион Ротгаупт	
Марширующий. Перевод З. Миркиной	98
Уве Шмидт	
Смерть сторожихи морга. Перевод А. Исаевой	99
Петер Бауц	
Если вы станете вести себя тихо-тихо... Перевод	
Ю. Мориц :	101
Полидевк, ты помнишь? Перевод З. Миркиной	101
Петер Утендорф	
Их промысел. Перевод Ю. Мориц	103
Гунтрам Веспер	
Выводы, к которым приходишь с большим трудом.	
Перевод А. Исаевой	104
Фридрих Кристиан Делиус	
День рождения. Перевод Ю. Мориц	105
Кошкам. Перевод Ю. Мориц	106
Об авторах. Г. Громан	107

СТРОКИ ВРЕМЕНИ. Молодые поэты ФРГ,
Австрии, Швейцарии Западного Берлина.
М., «Молодая гвардия», 1967.
120 с. (Зарубежная поэзия).

И

Редактор **Л. Васильева**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **В. Лубкова**

Сдано в набор 16/VIII 1967 г. Подписано
в печать 18/XII 1967 г. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Печ. л. 3,75
(усл. 5,25). Уч.-изд. л. 4. Тираж 10 000 экз.
Цена 44 коп. Т. П. 1967 г., № 422. Зак. 1717.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

